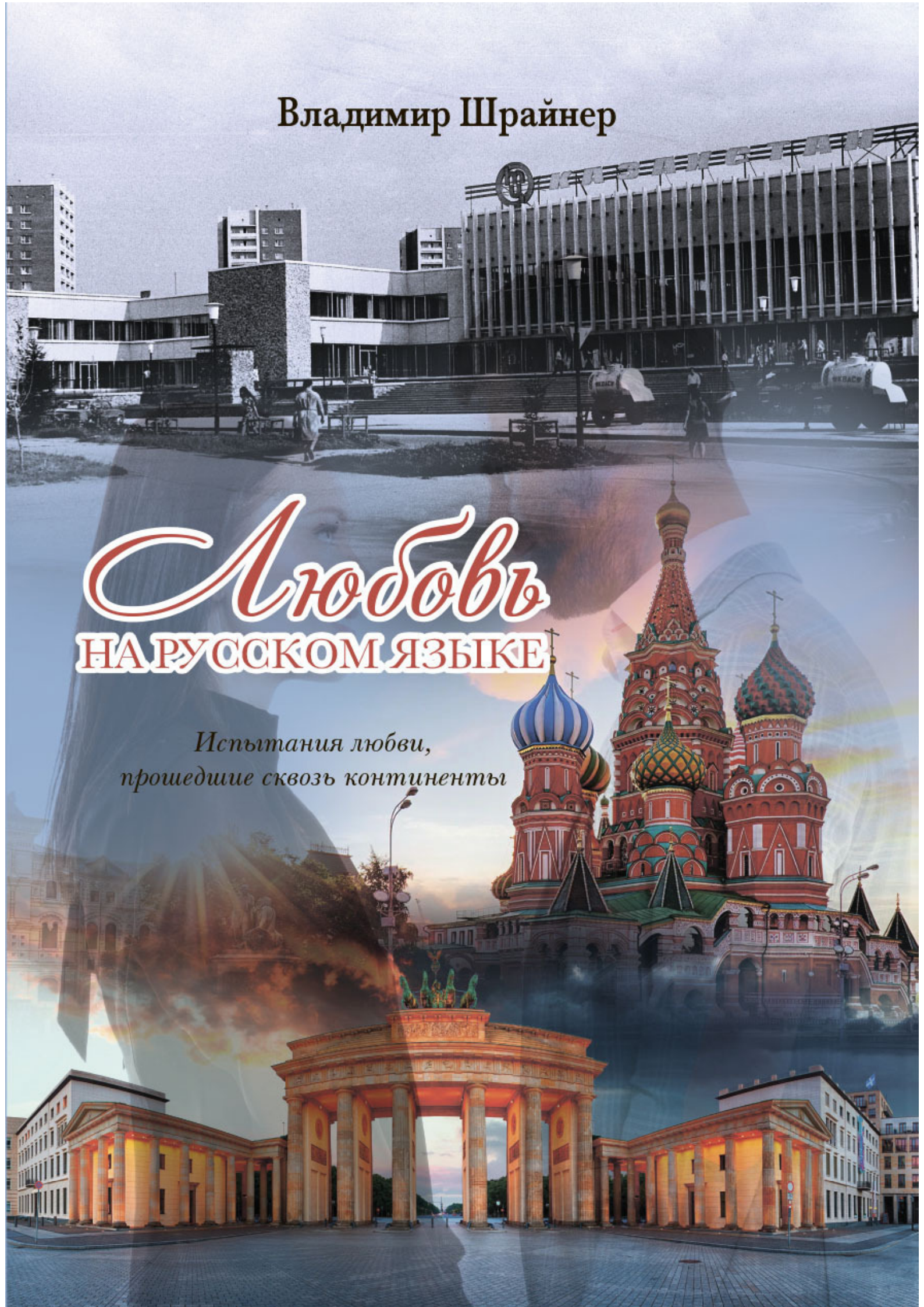

Владимир Шрайнер

Любовь НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Испытания любви,
прошедшие сквозь континенты*

Владимир Шрайнер

Любовь на русском языке

«Издательство «Перо»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шрайнер В.

Любовь на русском языке / В. Шрайнер — «Издательство «Перо»,
2025

ISBN 978-5-00258-920-3

Почему «Любовь на русском языке»? Потому что главные герои прожили примерно половину жизни в Советском Союзе, в Казахстане и России, а другую ее часть — в Федеративной Республике Германии. Так сложились обстоятельства. Почему слово «любовь» вынесено мною в заголовок книги? Очень просто: любовь является таким же героем этого произведения, как и сами персонажи. Любовь явилась основой, стержнем, духовным вдохновителем всей второй половины жизни обоих действующих лиц.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00258-920-3

© Шрайнер В., 2025
© «Издательство «Перо», 2025

Содержание

Пролог	6
Первая встреча с «аптечным бюрократом»	7
Обстановка вокруг и невыдуманные истории	10
«Я не герой Советского Союза»	12
«Фарцовка» больше не преступление, а законы отстают	14
«О даченьке-кормилице»	16
А Вадим был «бездачный»	18
Дорогая цена за дачу	19
Больница – не развлечение, но и не наказание	20
Нежданный посетитель в декабре	22
Был ли это сон?	24
Морозное дыхание признания	26
Вадим Николаевич, а сколько вам лет?	28
Просьба бабушки Горошникова	30
Мы близкие случайные соседи?	32
Приглашение на кофе	34
Спасибо любимой свекрови	36
Горячий кофе, прикосновения и любовь	37
Не обманываю ли я себя?	39
Благодарение состоялось	41
А вокруг все потихоньку приходило в упадок	42
Бабушка и дедушка – образцы для подражания	43
«Лилька, вокруг вас такая аура!»	45
За что Лилия любила Степаногорск?	47
Да ты, братец, ревнивец!	48
Спасибо за отличную работу. Вы уволены	49
День Победы – самый любимый праздник	51
Работа в Москве: это возможно?	52
Москва. Другая. Воспоминания и впечатления	54
Предложение работы. Решение	56
Время подумать. В поезде «Москва – Акмола»	57
«Примета новых времен»	61
«Ты в Москву. Я в Германию?»	63
Москва. Новые обязанности. В воздухе пахнет пеплом	65
Непредвиденный визит	67
«Оправдываться не собираюсь!»	68
Решение принято: еду в Москву	70
Любовь спасла еще одну жизнь	72
Поездка к дочери	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Владимир Шрайнер

Любовь на русском языке

© Шрайнер В., 2025

Издательство «Перо», 2025

* * *

Посвящается моей любимой жене Лидочке.

*Любящие не встречаются,
они с самого начала друг в друге.
Джеллаладин Руми*

Пролог

Эта книга не является документальной повестью, еще меньше автобиографической. Все узнаваемые тобою, дорогой читатель, персонажи, объекты, названия городов, улиц являются случайными совпадениями. Только время действия настоящее. Главным героям выпала честь, а одновременно и необходимость преодоления трудных испытаний, явившихся вызовами этого времени. Почему этого? Потому что оно является и настоящим временем, когда жизнь стремительно меняется, пытаясь изменить также и нас. Мы сопротивляемся по мере наших сил и возможностей. Мы не можем сопротивляться только одному явлению в этом мире: настоящей, безграничной, бескорыстной и беззаветной любви. Она захватывает нас и несет на своих ангельских крыльях высоко в небе, не позволяя одновременно отрываться надолго от земли, тактично и нежно поправляя нас и сопровождая в повседневной жизни. Последнее предложение не является противоречивым, так как мои главные герои полюбили друг друга, будучи уже не восемнадцатилетними юнцами, а у каждого из них сформировался характер, устои, установки, позиция, взгляды на те или иные события и явления. Но против любви нет иммунитета. И она пришла неожиданно. Захватила и поглотила моих героев с ног до головы. Никого из двоих не интересовало, как долго это прекрасное чувство может продолжаться?

Мой дорогой читатель, раз ты увидел название этой книги, значит, тебя заинтересовало содержание. Почему «Любовь на русском языке»? Потому что главные герои прожили примерно половину жизни в Советском Союзе, в Казахстане и России, а другую ее часть – в Федеративной Республике Германии. Так сложились обстоятельства. Почему слово «любовь» вынесено мною в заголовок книги? Очень просто: любовь является таким же героем этого произведения, как и сами персонажи. Любовь явилась основой, стержнем, духовным вдохновителем всей второй половины жизни обоих действующих лиц. Они встретились уже зрелыми людьми, думалось, что совершенно случайно. Люди семейные, успешные, вроде бы и счастливые, состоявшиеся в профессии и личной жизни. Работа, дом, дети, отпуск, дачи. Все как у всех.

Сквозь призму любви автор попытался представить и конкретные события из жизни стран, городов, поселков, происходившие вокруг моих героев, потому что и любовь не может существовать в пустоте, она является частью нашей жизни, окружающего нас мира и частью того времени, которое нам выделено высшими силами на время нахождения на Земле.

Первая встреча с «аптечным бюрократом»

Вадим Захаров, выйдя из служебной машины Отдела финансового контроля по Целиноградской области, несколько раньше, чем можно было, отпустил водителя Сергея. Сергей – молодой человек 28 лет, среднего роста, носит аккуратно подстриженные усы, женат, двое детей. По характеру общительный, но не болтун, с развитым чувством такта. К другим его качествам, которые в нем ценили все коллеги, относились дисциплинированность, обязательность и умение держать язык за зубами.

Захаров был переведен из российского Красноярска в казахстанский город Степногорск в августе 1990 года. Название места работы Вадима говорит само за себя – осуществление финансового контроля в государственных и частных организациях и предприятиях. За прошедшие несколько месяцев, а уже шел апрель 1991 года, он полностью погрузился в работу. Побывал на большинстве крупных предприятий этого промышленного региона, и у него сложилась своя картина понимания важности данных промышленных объектов для всей Целиноградской области и Казахстана в целом. Если можно было бы одним словом описать то состояние, в котором находилась практически вся промышленность, системы жизнеобеспечения города, объекты культуры и социально значимые структуры, то это слово было бы «неопределенность». Десятилетиями налаживаемые цепочки поставок из всех уголков Советского Союза оборвались. Никто не знал, кому что можно поставлять, как будет производиться оплата, по каким ценам и в какой валюте. Предприятия «доедали» оставшиеся от Советского Союза запасы и не видели будущего. Не понимали, куда все идет, в какую сторону будет идти развитие и будет ли оно вообще. Продолжавшиеся сокращения рабочих мест стали вынужденной мерой. Не было сбыта для уже произведенной продукции, как и материалов и ресурсов для производства новой. Людей отправляли просто «домой». Платить было нечем.

Все данные проблемы в своей совокупности прибавляли забот Вадиму в его повседневной работе. Где есть неопределенность, там быстро «ниоткуда» появляются люди, желающие половить рыбку в мутной воде. Ключевое слово – «ниоткуда». Например, введение новой валюты в Казахстане – казахстанского тенге – должно было бы решить многие проблемы. Однако в переходный период предприимчивые и не очень честные люди быстро нашли лазейки, как за один день, только одной подписью сколотить целое состояние. Предупрежден, значит, вооружен. Руководство предприятий, заранее по своим каналам получив информацию о предстоящей переоценке основных и оборотных средств, скупало по остаточной, ими самими назначенной, близкой к нулевой цене основные и оборотные средства производства и отложенную «в сторону» готовую продукцию, чтобы через несколько дней сбывать ее по кратно завышенной цене. Это только маленькая часть отступлений от закона, потому что новых законов еще не было создано, значит, предъявить кому-то обвинения в расхищении государственных средств было практически нереально.

Центральная аптека города Степногорска не относилась к объектам «первого уровня интереса» со стороны отдела финансового контроля. Тем не менее, в этот переходный период нужно было как минимум познакомиться с руководством, чтобы понять, каким образом происходящие в стране процессы повлияли на работу этого важного социального объекта.

Преодолев таким образом несколько сотен метров на свежем воздухе по Целиноградской улице, дойдя до Торгового центра «Сибирь», Вадим перешел на другую сторону и направился к двухэтажному зданию из красного кирпича, где и располагалась Центральная аптека. Войдя внутрь помещения, он осмотрелся: все как во всех аптеках того времени. Застекленный рецептурный отдел с окошечком для общения с покупателями. Отдел «ручной продажи» лекарственных препаратов. За стеклом были видны сотрудницы аптеки, в безукоризненно белых, выглаженных, накрахмаленных халатах и медицинских колпачках, неторопливо и спо-

койно консультирующие пациентов, обратившихся в аптеку за помощью. Все сотрудники были заняты своим делом, кроме кассира, которая сидела на своем месте напротив рецептурного отдела, и у нее пока не было покупателей, желающих оплатить лекарство. Вадим подошел к кассе и обратился к кассиру – молодой женщине, лет 35, уже несколько минут изучавшей его пристальным взглядом:

– Здравствуйте! Как мне пройти к Римме Михайловне?

На всякий случай молодая женщина поинтересовалась, назначено ли ему время для беседы, потому что заведующая аптекой – очень занятой человек. С этим было все в порядке, и кассир показала в направлении лестницы на второй этаж, назвав номер кабинета заведующей.

Римма Михайловна оказалась женщиной лет 50, среднего телосложения, с темными крашеными волнистыми волосами, карими глазами и носом с легкой горбинкой. Она предложила Вадиму чай и по его просьбе рассказала коротко, как происходит процесс адаптации к новым условиям, когда Советского Союза не стало, финансирование из «центра» прекратилось. Аптека передана на баланс новой столицы – Акмолы, у которой до областного аптечного управления пока руки не доходят, соответственно, и деньги тоже. Запасы, закупленные еще во времена Советского Союза, постепенно заканчиваются. Все большему количеству пациентов приходится отказывать, потому что замены препаратам нет. Люди недовольны, высказывают свое недовольство персоналу аптеки, обвиняя их в том числе и в якобы сокрытии «под прилавком» лекарственных препаратов. Что касается интересовавшего Вадима вопроса о конкретных движениях готовых лекарственных препаратов, компонентов для их производства и вспомогательных материалов – всю документацию ведет и проверяет заведующая рецептурно-производственным отделом Лебедева Лилия Александровна. Римма Михайловна предложила Вадиму проводить его к заведующей отделом.

Войдя в кабинет заведующей отделом, Римма Михайловна, обратившись к сидящей за столом и что-то пишущей молодой женщине, сказала: «Лилия Александровна, молодого человека из отдела финансового контроля интересуют некоторые вопросы, касающиеся движения лекарственных препаратов и финансовых потоков. Расскажите ему все, что его интересует. А я вас оставляю, Вадим Николаевич, приятно было с вами познакомиться».

Оторвав взгляд от формуляра, Лилия Александровна взглянула на вошедшего и сказала: «Вадим Николаевич, присаживайтесь, если не возражаете, я допишу одну строку, и тогда я в вашем распоряжении». Она вышла из-за стола, подошла к шкафу с документами и взяла с верхней полки папку. Села на свой стул и начала переносить какие-то данные из папки в свой находящийся на столе формуляр. «Конечно, конечно, дописывайте», – ответил он, почему-то обрадовавшись возможности более пристально рассмотреть сидящую перед ним женщину. На вид лет 35. Глаза голубые, волосы собраны под накрахмаленный до хруста колпачок. Белый медицинский халат был притален, сразу заметно, что он сшит индивидуально и по фигуре. Вадим поймал себя на мысли, что за несколько секунд успел отметить тонкую талию Лилии Александровны. От этого ему стало немного неловко, но он, как ему казалось, сумел незаметно побороть это чувство неловкости. Тем временем собеседница закончила заполнение формуляра, отнесла в шкаф папку и заняла свое место за столом. Один за другим задавал Вадим вопросы, касающиеся темы финансов, материальных средств, особенностей производства лекарственных препаратов в условиях переходного периода в жизни аптеки, города и республики в целом. Слушая ответы, он неожиданно для себя отметил, какой приятный у Лилии Александровны голос. Однако держится она строго и минут через 30 дает вежливо понять, что ей нужно дальше работать, что в другой ситуации вызвало бы у Вадима негативную реакцию. Ведь он тоже работает, и его задачи не менее важны, чем заполнение фармацевтических формуляров. В данной же ситуации он только улыбнулся, сказав: «Конечно, я уже ухожу». Попрощавшись с заведующей, записав ее номер служебного телефона и оставив свой, Вадим вышел в зал продаж, где поймал на себе взгляд той самой кассирши, как позже выяснится, Евгении, или

Женьки, подруги Лилии Александровны, с неподдельным интересом рассматривавшей посетителя своей подруги-коллеги. На улице его уже ждала служебная машина, Сергей прибыл, как всегда, вовремя, и они отбыли в направлении Городского отдела финансового контроля.

Обстановка вокруг и невыдуманные истории

Чем больше неопределенности возникало у градообразующих предприятий, тем больше работы прибавлялось у Вадима. Конечно, в приоритете были такие заводы, как государственный подшипниковый завод, Целинный горно-химический комбинат, химический завод, горно-металлургический завод и недавно образованное предприятие, у которого еще не было своего названия, относящееся к объединению «Каззолото», расположенное в поселке Бестобе.

О последнем хотелось бы сказать несколько слов особо. С прекращением централизованного финансирования предприятие быстро пришло в упадок. Шахты были заброшены, обогатительная фабрика остановлена, люди уволены. Моментально нашлись предприимчивые «бизнесмены», почувствовавшие, что пришло их время. Пользуясь трудным положением не имеющих работы и средств к существованию людей, они за мизерную плату нанимали желающих «заработать на золоте», рассказывая выдуманные истории о том, как некоторым счастливицам удавалось найти крупные самородки и что после этого им больше не нужно было работать до конца жизни. Долгое время доступ в шахты оставался свободным. Чтобы было представление: большинство из них выглядело совсем не так, как многие себе представляют: просторные туннели с высоким потолком, где ходят вагонетки с рудой и работают комбайны. «Черные копатели» спускались в отверстия в земле, столь узкие, что внутрь можно было попасть только ползком. Были случаи, когда не сумевшие развернуться в направлении выхода добытчики начинали паниковать, вести себя неосторожно, вызывая оползень или осыпание породы. Спасти удавалось не всех. Еще одним признаком «черных копателей» являлись рабочие верхонки. В них собирались кусочки породы, в которых были признаки наличия золота.

Читая газеты, слушая радио и редко просматривая новости по телевизору в те немногие свободные от работы часы, Вадим не переставал удивляться, какие коренные перемены происходят на территориях бывшего Советского Союза. У него создавалось впечатление, что у этих изменений нет конкретного плана, цели и ответственных за результаты этих перемен. Только много позднее станет ясно, что и планы, и цели были, и средства тоже. Например, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Горбачев и канцлер Западной Германии Коль подписывают в Бонне документ, который предоставляет всем европейским государствам право самим решать, какая политическая система будет определяющей в их странах.

Михаилу Сергеевичу Горбачеву присуждается Нобелевская премия мира. Вместо обычных 100 000 он получил 1 200 000 в переводе на доллары. А тем временем события опережали одно другое, как казалось, не связанные между собою. Прибалтийские страны получают официальное признание от советских властей на независимость (кто мог бы о таком даже подумать хотя бы год назад!). Президент Б. Н. Ельцин требует отставки М. С. Горбачева, который уходит с поста Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. Деятельность партии запрещается, имущество подлежит аресту. А в декабре 1991 года СССР прекращает свое существование. Родились т. н. «Беловежские соглашения», подписанные руководителями России, Украины и Белоруссии. В связи с объединением Германии, вопреки всем гарантиям властей Западной Германии, начинается судебное преследование руководителя Германской Демократической Республики Эриха Хонеккера. Спасая, его тайно вывозят в Москву. Прекращает свою работу СЭВ – Совет экономической взаимопомощи, экономическое объединение социалистических стран. Только этих перечисленных событий хватило бы на десятки лет вперед.

В этой обстановке Вадим чувствовал, что служба финансового контроля тоже находится в состоянии некоторой растерянности. Выявлялись многочисленные факты финансовых нарушений, однако «нарушались» законы Советского Союза, которого уже как бы официально не было. На какие законы и подзаконные акты нужно ориентироваться? Ответ был не всегда оче-

виден. Тем не менее за основу брались советские нормативные акты и приспособлялись к текущим условиям.

«Я не герой Советского Союза»

Работа Службы финансового контроля с организациями и предприятиями очень сильно отличалась от работы Министерства внутренних дел. Во-первых, не было военной или милицейской формы, которая собеседникам внушала неуютное чувство при разговоре с официальным лицом, которое прибыло тебя допросить, задержать и, возможно, увезти с собой. Во-вторых, большая часть работы основывалась на установлении доверительных отношений с сотрудниками предприятий, объясняя им, что только общими усилиями можно навести порядок. Этот подход показал свою эффективность за многие десятилетия и не утратил, а скорее приобрел еще большее значение и ценность в начале 90-х годов. Когда люди разуверились, что порядок кому-то нужен, что кто-то еще есть, занимающийся его наведением.

Приближался праздник Великой Победы 9 Мая. Позади у Вадима были все посещения предприятий, запланированные на этот последний предпраздничный рабочий день. Оставалась только Центральная аптека города Степаногорска. После очного знакомства он лишь однажды общался по телефону с Лилией Александровной, обратившись за помощью по узкоспециализированному вопросу. Несмотря на короткий разговор, Вадим почему-то про себя отметил: и по телефону голос у нее очень приятный...

Войдя в аптеку с 5-ю алыми гвоздиками, предназначавшимися Лилии Александровне, он, поздоровавшись с персоналом, никого не спрашивая, прямо направился к кабинету заведующей рецептурно-производственным отделом. Постучав в дверь, Вадим услышал знакомый приятный голос: «Да-да, войдите!» Войдя в комнату, он увидел хозяйку кабинета, стоящую к нему спиной и что-то ищущую в открытом шкафу. Резко повернувшись к нему, она в недоумении замерла на короткое время, глядя то на вошедшего, то на цветы. В ее синих глазах читалось недоумение в сочетании с легким испугом. Как это понимать? Что все это значит? Она быстро овладела собой и пригласила официальным тоном Вадима присесть на стул, устроившись за своим рабочим столом напротив. Захаров поздоровался и прежде чем присесть подошел к столу и, слегка наклонившись, глядя сверху вниз, проговорил: «Лилия Александровна, поздравляю вас с наступающим праздником – Днем Победы!» При этом протянул ей руку с цветами. Реакция была бесценна: взяв цветы, глядя на Вадима широко открытыми голубыми глазами снизу вверх, сухим, слегка насмешливым тоном проговорила: «Вадим...» «Николаевич», – помог он собеседнице. «Да, Вадим Николаевич, зачем это? Я же не ветеран Великой Отечественной войны и не Герой Советского Союза...» Он же попытался парировать тем, что это праздник всенародный, праздник каждого советского человека, а она – Лилия Александровна – так же стоит на страже охраны здоровья степаногорцев, и потом, цветы для женщины – всегда хорошо. Было похоже, что последний аргумент оказался тоже неубедительным: цветы для женщины – это, конечно, хорошо, подумала Лилия Александровна, но какое отношение это имеет ко мне и к тебе, который видит меня второй раз в жизни? Но вслух сказала: «Спасибо большое, вас также с наступающим праздником». Задав еще два-три вопроса о том, сколько дней будут отдыхать сотрудники аптеки и планируется ли обще аптечное торжество, Вадим, сославшись на дела, попрощался и вышел. А Лилия Александровна еще с минуту смотрела на цветы, поставила их в вазу и, почему-то улынувшись, сама себя спросила: «А зачем приходил-то?» Тут в дверь постучали. Она подумала, что, может, ее посетитель вернулся, что-нибудь забыл. Быстро поправила волосы, колпачок и пригласила стучавшего войти. Но это был не Вадим Николаевич. Это была Женька – та самая кассирша, подруга Лилии Александровны. Она как вихрь залетела в кабинет, выпалив на ходу: «Лилька, рассказывай скорее, зачем к тебе приходил этот молодой человек с цветами?» Несмотря на то, что хозяйка кабинета давно привыкла к напору и некоторой «простоте» подруги Женьки, вопрос застал ее врасплох, и она не нашлась сразу, что ответить. Чем больше она делала паузу, тем больше чувствовала, что

краснеет. Но повода-то не было! Она сердилась на себя и от этого краснела еще больше. А Женька не переставала: «Что он хотел? Он женат? Есть ли дети?» Лилия начала по-настоящему сердиться: «Вадим Николаевич приходил по делам и поздравил меня с наступающим Днем Победы, и все. А женат он или разведен и есть ли у него дети – спроси у него сама». Подруга немного опешила от такого ответа, но не стала дальше приставать с вопросами о посетителе. Быстро сменив тему, свернула разговор и удалилась.

Цветы Лилия оставила в аптеке. Домой их брать не решилась и не захотела.

«Фарцовка» больше не преступление, а законы отстают

Казахстан и Российская Федерация как бы стали разными государствами. Почему как бы – потому что границ не было. Паспорта у жителей как Казахстана, так и Российской Федерации были еще одинаковые: на обложке надпись: Союз Советских Социалистических Республик, ниже, ближе к середине, красовался тисненый «золотом» герб Советского Союза, а внизу – крупными буквами название документа, как в то время говорили по Владимиру Маяковскому – серпастый молоткастый советский ПАСПОРТ.

По долгу службы Вадим должен был в правовом отношении идти в ногу со временем. Системы обеспечения сотрудников Отдела финансового контроля актуальной экономической, политической, правовой и другой необходимой информацией еще не существовало. Приходилось использовать все возможные печатные источники, книги, специальные тематические журналы, обзоры, периодическую печать. Из них он должен был выделить необходимую ему информацию для работы. Так, например, действующий с января 1992 года в России Указ Президента Российской Федерации о начале рыночных реформ в России предполагал практически полный отказ от государственного регулирования цен, предоставив производителям устанавливать их самостоятельно. Эта мера должна была искоренить ставшее ненавистным слово «бартер». Была надежда, что расчеты начнутся снова в рублях. Вместе с Указом Президента Российской Федерации «О свободе торговли», разрешающим продажу и покупку товаров также частными лицами, рынок пришел немного в движение. Теперь торговля не рассматривалась больше как «фарцовка», как преступление, за которое УК Российской Федерации предусматривал суровое наказание. Указ разрешил предприятиям и гражданам торговую, посредническую и закупочную деятельность (в том числе за наличный расчет) и в любых удобных местах. Такие места нашлись повсюду: на площадях, бульварах, вдоль трасс, у остановок транспорта, перед магазинами, в подземных переходах. Годились любые полуподвалы, павильоны, ларьки. Мелкие торговцы заселили пустовавшие до этого дворцы спорта и стадионы. Товары появились, но цены выросли в десятки раз. Уровень жизни резко снизился. В Казахстане данная деятельность просто копировалась, в то время как нормативные акты запаздывали.

В этом же году американским Конгрессом был принят т. н. «Билль о поддержке свободы в России», одним из ключевых заключений которого была формулировка «(Наши) Демократы в Кремле способны гарантировать нашу безопасность гораздо надежнее, чем это делали ядерные ракеты».

Россия объявила себя единственной правопреемницей по всем внешним долгам бывшего СССР и обязалась погасить их в полном объеме. Все бывшие союзные республики от выплаты внешнего долга были освобождены (21 августа 2006 года Россия внесла последний транш по долгам СССР).

Видя перспективные возможности богатой ресурсами Российской Федерации и 13 бывших республик, Международный валютный фонд на внеочередном заседании проголосовал за их членство в организации. Казахстан стал также членом Международного валютного фонда. Предполагалось, что это упростит валютные поступления в республику и существенно улучшит экономическую ситуацию в стране.

На этом фоне прошло почти незамеченным еще одно событие, важность которого будет лишь много позднее оценена: 27 апреля 1992 года завершился вывод тактического ядерного оружия с территории Украины в Россию. Тогда это приветствовалось всеми сторонами и участниками процесса, включая Соединенные Штаты Америки. Одним из аргументов за было то обстоятельство, что доступ к «красным кнопкам» пуска ракет с ядерными боеприпасами имели генералы, командовавшие военными округами. Во времена реорганизации вооруженных сил, изменения границ это было недопустимо.

Среди потока судьбоносных для страны событий текущего 1992 года Вадим выделил для себя одно, которое должно было помочь ему разобраться с темой рубля, валюты, курса и возможностей его обмена. 6 мая 1992 года был введен единый плавающий курс рубля по отношению к доллару. Продажа валюты частным лицам больше не являлась преступлением. Одновременно вводилась обязанность для предприятий обменивать выручку, полученную от экспорта товаров, по фиксированному курсу на рубли. Эта тема станет для Вадима одной из приоритетных на ближайшие годы. Начавшийся же в Российской Федерации процесс «ваучерной» приватизации, названной впоследствии «грабительской», будет запущен в Казахстане только через два года, так как на тот момент не существовало еще нормативной базы в Республике Казахстан.

Нисколько не умаляя значение вышеперечисленных событий для страны и для каждого конкретного человека, нужно отметить, что для большинства жителей Степаногорска куда важнее была задача выжить. Чтобы каждый день можно было три раза в день питаться, покупать необходимую одежду для себя и детей, собирать детей в школу, покупать учебники. Денег катастрофически не хватало.

«О даченьке-кормилице»

Несколько лучше с продуктами питания оказались дела у тех, кто в свое время приобрел дачный участок и выращивал в своем подсобном хозяйстве овощи, фрукты, ягоды. Как только таял снег, жители города начинали следующий дачный сезон. Электрички были переполнены. Люди везли, а затем несли на себе, тащили, волочили на свой участок все, что необходимо: садовый инвентарь, удобрения, семена, рассаду, саженцы, оконные рамы для теплиц, ведра, бочки для воды. Был замечен даже один гражданин, умудрившийся в квартире в большом ведре развести куриный помет и внести его с собой в вагон электрички, накрыв сверху старой мужской рубашкой. Тем не менее, несмотря на «искусную маскировку», он был разоблачен стоящими рядом с ним в вагоне другими пассажирами. Шедший и расплзающийся на весь вагон острый запах из ведра проникал, кажется, прямо в легкие, отчего у многих начинался кашель. Дошло до того, что хозяина этого источника запаха высадили из поезда на следующей остановке. Так что ему пришлось пройти со своим ведром несколько лишних километров пешком. Это дополнительная цена дачного урожая.

У семьи Лебедевых тоже была дача. Несмотря на две зарплаты – мужа и жены, – денег не хватало даже на текущие расходы. Двое детей подрастали. Старшая дочь Людаша была уже в предвыпускном девятом классе, ей предстояло на следующий год закончить школу и определиться с выбором будущей профессии. Младший сынок Ванечка должен был через год пойти в первый класс, а пока ходил в детский садик. Лилия любила свою дачу. Работая в аптеке посменно, с 7 часов утра до 15 часов и с 15 до 22 часов, перед работой или после она спешила на электричку, иногда даже не заходя домой, чтобы больше успеть на даче.

Дача у Лебедевых была скромной – домик еще не построили. Имелись грядки, что напоминали о трудолюбии человеческих рук, и плодовые деревья, тянущиеся к небу своими тонкими, но живыми ветвями. Но для Лилии это место было настоящим островком счастья. Уютным уголком, где не требовалось ни косметики, ни нарядов, ни слов – лишь капля дождя на листе, легкий ветерок, пахнущий яблоневым цветом, да солнце, от которого приятно щуриться, сидя на деревянной лавке с кружкой чая.

Она спешила сюда после работы, иногда с утра пораньше, иной раз прямо в аптечном халате, забежав лишь переобуться. Электричка гремела, укачивала усталость, а она все равно улыбалась. Потому что знала – там, в ее маленьком зеленом королевстве, ждут кусты с поспевшей малиной, новые огурчики, вытянувшие свои пузатые бочки к солнцу, первые алые пятнышки на помидорах. Это ее труд, ее забота, ее радость. Все, что выросло, было подарком за старание, за терпение, за любовь.

В тот летний вечер, когда солнце уже клонилось к закату, Лилия стояла у края грядки с клубникой и смотрела на сочные алые ягоды. Наклонилась, осторожно, будто хрусталь, сорвала первую – ту, что выглядывала из-под листьев, словно дразнясь.

– Ах ты моя красotka... – шепнула Лилия с нежностью. И вдруг, как девочка, рассмеялась. Взяла ягоду в ладони, вдохнула ее аромат – густой, сладкий, солнечный. Нет, не для себя. В корзинку. Детям.

Она ходила между грядками в легком платье, с платком, чуть сползшим с головы, и чувствовала себя свободной. Не аптекарем, не мамой, не женой – просто собой. Женщиной, в которой жила простая, честная, тихая радость.

Под сливой, где лежала тень, Лилия присела, прислушалась к пению птиц и шуму листвы. Сердце стучало мирно. Никаких рецептов, телефонов, графиков. Только живая земля под пальцами, только щебетание в душе.

Когда корзинка наполнилась – малиной, клубникой, мелкими огурчиками, редиской, – она аккуратно прикрыла все полотенцем, будто укрыла сонных детей. В электричке ее будут

толкать, кто-то наступит на ногу, кто-то будет громко разговаривать по телефону – но она уже будет дома. Внутренне.

Потому что везла не просто овощи и ягоды. Везла тепло, вкус лета, частичку своей души. Детям – лучшее.

– Ванечке – вот эту, сладкую. А Людаше – самую крупную клубнику... – шептала она себе, и глаза ее сияли от простой, но такой настоящей любви.

А Вадим был «бездачный»

У Вадима не было дачи. Дача была только у его тещи Тамары Семеновны. Вадим был женат на старшей ее дочери – Наталье. У них подрастали две замечательные дочки: старшая Люба, которой было 8 лет, и младшенькая Танечка, которой недавно исполнилось четыре годика. Все в семье знали, что урожай с тещиной дачи – это и их урожай, поэтому охотно помогали с весны до осени ухаживать за растениями, полоть, поливать, удобрять и, наконец, собирать урожай. Ничего не пропадало, всему находилось применение и место. В стеклянные банки закатывались помидоры, огурцы, варенье из малины, клубники, облепихи, ранеток – маленьких яблочек, сливы, вишни и черной смородины. А из черной смородины теща делала еще и свое фирменное вино. В стерилизованные банки укладывались ягоды и фрукты, заливались сладким «рассолом» – получался вкуснейший ароматный компот.

Но тещина дача – хорошо, а должна быть своя. Так решил Вадим и «выбил» себе участок на вновь распределенных площадях под дачи от Степаногорского управления строительства, расположенного с правой стороны от дороги, ведущей в промышленную зону на значительном возвышении. Одним из аргументов выбора участка именно здесь было его расположение на некоторой возвышенности, что его гарантировано предохраняло от засоления почвы. К тому времени на «старых» дачах уже чувствовалась такая проблема. От обильного полива поднимались грунтовые воды и вынесли с собой соль на поверхность. Борьба с этим природным явлением была почти бессмысленной. Рассказывали, что один из дачников – водитель самосвала – каждый год увозил засоленный слой земли сантиметров 50 со всего участка и завозил новую, хорошую плодородную землю. Для однолетних растений это был некоторый выход, кусты и деревья сажать было все равно нельзя. Потому что соль поднималась каждый год заново.

Свободного времени у Вадима и так было не много, теперь не стало совсем. После работы, а иногда и с разрешения начальника во время работы, он спешил на теперь уже свой дачный участок. А пока это был необжитой кусочек земли, размером примерно 30 на 20 метров, на склоне горы, поросший бурьяном, с тонким слоем красновато-желтого цвета и достаточным количеством скальной породы, которую предстояло частично удалить, а часть использовать под фундамент дачного домика. Одной из первых задач Вадим считал подготовку котлована под будущий бассейн, размер которого он определил как 7 x 5 метров. Для этой работы нужен был экскаватор.

Здесь уместно сделать отступление, опять возвращаясь к общей ситуации в городе. Мало того, что денег у людей катастрофически не хватало, на них еще и нечего было купить. В это время одному из городских заводов удалось организовать производство спирта из виноградной патоки. Спирт сыграл свою жестокую роль в судьбах многих людей и семей. На заводе зарплату выплачивали спиртом. Дальше его обменивали на другие товары, продукты, услуги. И, к сожалению, просто пили. Пили мужчины, женщины, подростки. Это состояние продолжалось более двух лет, затем ощутимо пошло на спад. Что в этом сыграло важнейшую роль, трудно сказать. По неподтвержденным данным, одним из методов борьбы со спиртовым алкоголизмом было целенаправленное распространение со стороны городских властей слухов, затем информации в печатных изданиях о том, что вредное воздействие на организм человека спирта из патоки имеет свойство быстро накапливаться в клетках головного мозга и приводит к ускоренной деградации когнитивных способностей человека. Люди перестают адекватно воспринимать окружающую действительность, теряют способность анализировать информацию, концентрировать внимание. Резко ухудшаются память и речь. А далее процессы прогрессируют в периферической нервной системе, то есть нарушается сердечный ритм, происходят сбои, а затем и остановка дыхания.

Дорогая цена за дачу

Экскаваторщик запросил за свою работу один литр спирта, что являлось хорошей ценой за данный объем работ. Через несколько часов работа была выполнена. Появилась яма под бассейн. В течение лета и осени был залит фундамент и выложены стены дачного домика из шлакоблоков.

В конце осени, больше похожей уже на зиму, с 10–15-градусными морозами, к Вадиму обратился его друг и коллега Юрий Охотников с важнейшей информацией: он договорился с одним из животноводческих совхозов, что они выделяют новоиспеченным дачникам – Вадиму и Юрию – по 10 грузовиков хорошего, уже перегнившего навоза. Вывозить только нужно самим. Разделив субботу и воскресенье между собой, друзья приступили к делу. Дело заключалось в следующем: нужно сесть с водителем в кабину самосвала – это был ЗИЛ-130, – доехать до совхоза, организовать погрузчик, загрузить доверху кузов, помогая водителю погрузчика совковой лопатой. В кабине с водителем доехать до дачи, выгрузить навоз, который не хотел сам высыпаться, его нужно было лопатой сдвигать сверху вниз.

Такой цикл работ повторялся раз за разом. Работа была нелегкой, Вадим после 5-го рейса был уже насквозь мокрый от пота, как говорят, «от волоска на пятке до волос на голове». Зато печка в кабине работала исправно. Вентилятор гнал горячий воздух на полную мощность. Несмотря на частичное отсутствие резиновых уплотнений на дверях кабины, через щели размером в два пальца, вылетала часть горячего воздуха, а ему на смену проникал холодный и собирался в ногах у Вадима. Зимние утепленные ботинки не спасали, он скоро почувствовал, что холод пробирается и в них. Лишь около 22 часов работа была закончена, Вадим рассчитался с водителем (тоже спиртом), попросил довезти его до города и направился домой, пытаясь согреть застывшие ступни.

Первые признаки недомогания Вадим почувствовал уже на следующий день, в воскресенье. Повышенная температура, воспаленное горло и кашель. Не придав большого значения данным проявлениям простудного характера, используя средства народной медицины – чай с малиновым вареньем, мед, настои трав, натирания тела сурчиным жиром, – Вадим пошел на поправку. Через три дня он был снова на работе. Самочувствие приемлемое, температуры не было, только сухой кашель мешал нормальной жизни. В пятницу в кабинете у своего знакомого доктора-терапевта Вадим продолжал привычно подкашливать, не обращая на кашель особого внимания. Доктор предложил прослушать его стетоскопом. Закончив обследование, вынес приговор: «Вадим Николаевич, у вас воспаление легких. Я вам даю направление в стационар на лечение. У вас два часа, жду с вещами».

Больница – не развлечение, но и не наказание

В назначенное время 20 ноября 1992 года Вадим Захаров стоял с вещами на пороге приемного общетерапевтического отделения городской больницы города Степаногорска. Его направили в палату, где кроме него находились еще трое пациентов. Пожилой мужчина со смешной фамилией Горошников, которому было 74 года. С «высоты» своего 31-летнего возраста Вадиму он казался совсем старым, а по сути, это был крепкий, бодрый, остроумный и очень начитанный человек, прошедший всю Великую Отечественную войну. Найдя, по-видимому, в своем соседе много общего с самим собой, Вадим с ним быстро подружился. Ходили вместе в столовую, на процедуры и часами разговаривали в палате на самые разные темы.

Ежедневные трехразовые уколы ампициллина, физиопроцедуры, трехразовое питание, отсутствие стресса от работы начали давать свои результаты. Через две недели лечащий врач, прослушав легкие Вадима, похвалил его, сказав, что очаг поражения правого легкого заметно уменьшился. Лечение нужно продолжать. Так как физическое и моральное состояние Вадима улучшилось, появилось желание чем-нибудь заняться, чтобы время быстрее шло и одновременно другим людям была бы польза от этой деятельности. Он начал с того, что попросил медсестер принести ему кое-какие инструменты и материалы – молоток, плоскогубцы, ножовку, гвозди, отвертку. В отделении было достаточно объектов для приложения навыков «рукоделия». Первыми были отремонтированы все стулья в отделении, затем в столовой. Развешаны по стенам стенды и плакаты в рамках. Настала очередь прикроватных тумбочек, которые тоже были по мере необходимости укреплены и покрашены. «Мебельный бизнес» начал потихоньку заканчиваться.

С собой в больницу Вадим взял брошюру Токуиро Намикоши «Шиаци – японская терапия надавливанием пальцами». Тема казалась ему интересной для того, чтобы когда-нибудь попробовать – действительно ли точечный массаж пальцами может вызвать какую-то положительную реакцию организма. Не верить автору оснований не было, но своими пальцами вызвать облегчение потенциального пациента было бы здорово. Он еще раз проштудировал брошюру от корки до корки. В ней он нашел несколько симптомов болезней, которые были у его соседей, помимо их основного диагноза. Первым попался дедушка Горошников. Он вот уже три дня не мог сходить в туалет. Вадим предложил ему попробовать сделать точечный массаж на животе. Тот согласился. Пройдя по рекомендованным автором точкам, он дал соседу выпить полстакана подсоленной воды, и все стали ждать. В палате была тишина. Дед заснул и слегка захрапел. Минут 15 ничего не происходило, соседи уже «расслабились», по-видимому, эксперимент не удался. Как вдруг дед проснулся от урчания в животе и куда-то ушел. Через 20 минут он вернулся сияющий в палату и, при всех пожав руку Вадиму, произнес, чтобы все слышали: «Вадим Николаевич настоящий эскулап». Пока длилась процедура «благодарения», никто не обратил внимания на пришедшего вместе с Горошниковым его товарища. Сосед познакомил Вадима со своим товарищем и спросил робко: «Николаич, мой друг уже шестые сутки не может сходить в туалет. Может, попробуешь помочь?» Своим отказывать нельзя. Окрыленный первым успехом Вадим повторил процедуру и с товарищем Горошникова. Однако при этом уделив больше внимания проработке кишечника, потому что он пальцами чувствовал, что кишечник твердый. Очень осторожно закончив массаж, он дал другу выпить полстакана подсоленной воды, и тот ушел в свою палату, лег на кровать и стал ждать. И друг тоже дождался! Примерно через час он появился в палату и сказал, что таким счастливым он себя давно не чувствовал. За всем этим внимательно наблюдал другой сосед, которого звали Володя. Это был мужчина лет 45, работавший водителем автобуса и заработавший, как он предполагает, из-за хронического недосыпания предынфарктное состояние. Его сопутствующей проблемой была бессонница. Почувствовав, что шиаци работает, Вадим предложил Володе попробовать нала-

дить режим сна, выполняя в определенное время точечный массаж на животе и на руках. «Я в эту ерунду не верю», – было сказано Вадиму в более крепких мужских выражениях. Однако больной поднял рубашку и разрешил попробовать. Пройдя мягко несколько раз по определенным точкам, что длилось минут 20, Вадим дал Володе стакан теплой воды, на этом процедура закончилась. Соседи скептически поглядывали в сторону Володи, а когда минут через 15 все потеряли интерес, услышали в наступившей тишине хороший, громкий, здоровый мужской храп. Все – Вадим тоже – прыснули в кулак от смеха. Ничего себе, лекарь! Молва о «народном докторе» быстро прокатилась по отделению, и следующие две недели были у Вадима плотно заняты приемом страждущих, в том числе и из других отделений, чему медицинский персонал, спасибо ему, не препятствовал.

Нежданный посетитель в декабре

В середине декабря, когда серое небо тяжело нависало над больничным городком, а воздух за окнами был густой, будто наполненный молчаливыми мыслями, Вадим лежал на своей койке, держа в руках книгу. Его соседи тихо посапывали, погруженные в послеобеденный сон, и только шелест страниц да ровный ритм капельницы в соседнем углу напоминали о жизни. Он читал без особого увлечения – скорее, просто смотрел на буквы, а мысли уносились куда-то далеко, в воспоминания, в обрывки разговоров, в небесно-голубой взгляд, который все чаще стал ему мерещиться.

Вдруг скрипнула дверь, и медсестра, просунув голову, негромко сказала:

– Захаров, к вам посетитель. Жена... – она чуть замялась. – Ждет вас в холле у входа в отделение.

Он удивленно поднял брови. Жена? Он ведь сам просил не приходить – все есть, все в порядке, кормят сносно и вот-вот выпишут. Они с женой договорились, что поводов для визитов нет.

Выбравшись из-под теплого одеяла, Вадим надел халат и направился в холл, по дороге прокручивая в голове тревожные мысли. Что случилось? Может, что с детьми? Или...

Холл встретил его полумраком и легким запахом дезинфекции. Сквозь высокие окна в бледном свете дня он сразу увидел женщину у дальнего подоконника. Слегка опершись на подоконник, она смотрела в окно. Это была не его жена. Это была Лилия Александровна.

Он узнал ее сразу, с первой секунды – изящный силуэт, аккуратная шапка изнутри, темный костюм-двойка, из-под которого выглядывал белоснежный воротничок блузки. Все было так... знакомо и неожиданно. Но самое главное – он почувствовал, как в груди что-то защемило. Ее небесно-голубые глаза встретились с его взглядом – смущенные, теплые, чуть растерянные.

– Вы не звонили давно... – заговорила она первой, чуть опустив взгляд. – Я подумала, вдруг что-то случилось. А тут случайно зашла к подруге – она терапевт в этом отделении. Сказала, что вы тут лежите. Вот... решила навестить. Можно?

– Конечно, можно... – Вадим говорил медленно, словно боялся, что если скажет слишком быстро – момент исчезнет, как пар над чашкой. – Мне очень приятно, что вы пришли. Правда. Но зачем так утруждать себя?

– Хотела узнать, может, вам что-то нужно? Лекарства? Или... я могу что-то приготовить, принести?

Он на секунду растерялся, не зная, как реагировать. Вадим хотел как лучше, но слова вышли грубо:

– Спасибо большое, в больнице кормят хорошо, да и потом... что у меня, жены, что ли, нету?

Фраза повисла в воздухе, как холодный ветер в открытое окно. Он тут же понял, как прозвучало, и увидел, как ее глаза потускнели, как уголки губ дрогнули.

– Я не это имел в виду... – быстро добавил он и, не думая, подошел ближе, осторожно положил руки ей на плечи, с благодарностью и теплотой. – Простите... мне действительно очень-очень приятно, что вы пришли. Очень...

Лилия вздрогнула – неожиданность прикосновения, нежность его рук, искренность в голосе застали ее врасплох. Щеки ее залились румянцем, а взгляд потеплел, стал особенно женственным, глубоким.

На миг в воздухе повисло нечто большее, чем просто забота. Что-то, что нельзя было назвать, но можно ощутить – тихая тяга двух душ, как будто сердца их, прикасаясь друг к другу невидимой нитью, вдруг вспомнили о чем-то важном и родном.

В холле послышались шаги. Вадим отнял руки, они невольно отступили на шаг друг от друга. Неловкость не могла затушить то, что уже произошло. Но она снова стала Лилией Александровной – сдержанной, собранной, чуть грустной.

– Мне пора... у меня сегодня вторая смена, – сказала она, глядя в сторону двери, но ее взгляд скользнул по нему, нежный и какой-то беззащитный.

Она протянула ладонь – теплую, маленькую, чуть дрожащую. Их руки соприкоснулись на секунду, и от этого прикосновения Вадим ощутил странное, сладкое волнение.

– Спасибо, что пришли...

– Берегите себя.

Она повернулась и ушла, не оборачиваясь. Ее походка была спокойной, но что-то в ее осанке, в медленных шагах говорило, что сердце ее осталось на миг здесь, с ним.

Он стоял у окна, словно прикованный. И не мог понять: что это было? Почему сердце так стучит? Почему захотелось удержать ее, не отпускать? Он знал – это не просто визит вежливости. Это было начало. Что-то родилось в этот зимний день в тишине больничного холла.

Был ли это сон?

Вернувшись в палату, Вадим лег на кровать, заложил руки за голову и закрыл глаза. Он снова видел ее – глаза, губы, как шапка слегка сползла на затылок, как она вздрогнула от его прикосновения. Он представлял, как ее пальцы касаются клубники на грядке, как она смотрит в окно электрички, думая о ком-то далеком и, может быть... о нем.

С этими мыслями он незаметно уснул – с улыбкой на губах и тихой уверенностью в сердце: в его жизни что-то изменилось. Навсегда. Сон пришел к Вадиму тихо, почти незаметно, как весенний ветерок в открытое окно. Он словно растворился в нем – в этом ощущении света, простора и чего-то волнующе-необъяснимого. Сон был живым, ярким, как будто кто-то раскрыл перед ним другую реальность – возможно, ту, о которой он давно мечтал, но боялся признаться самому себе.

Он шел по знакомым улицам родного города, но все вокруг казалось немного другим. Чище. Легче. Теплее. Воздух был наполнен весенней свежестью, будто сам город просыпался после долгой зимней спячки. Везде, куда ни глянь, чувствовалась жизнь: набухшие почки, робкие зеленые листочки, первые ростки на клумбах, и даже свет солнца был не таким, как обычно, – он казался добрым, согревающим, живым. Люди улыбались, и даже их шаги казались более легкими.

Вадим шел в сторону центра, и в сердце его поселилось светлое, детское чувство – будто впереди ждет что-то важное, то, ради чего стоило болеть, ждать, жить. Он снял пальто, шапку – было жарко, но не от погоды, а от ощущения: его тело наполнялось энергией и радостью, как будто сама весна шептала: «Ты снова живой».

Когда он поднялся на ступеньки большого торгового центра и оглянулся – сердце его сжалось от странного, почти мистического контраста: площадь перед ним была залита солнцем, светилась ярким лазурным небом, но стоило перевести взгляд на соседние улицы – и там царил зима, серость, иней, заснеженные крыши и холодные лица прохожих. Две реальности соприкасались на границе площади, и это казалось волшебным.

И вдруг – голос. Родной, нежный, тихий и удивленно-зовущий:

– Вадим Николаевич!

Он обернулся и увидел Лилию. Ее лицо светилось, глаза искрились от солнца и... чего-то большего. Шла к нему уверенно, немного торопливо, как будто знала, что он здесь. Его сердце сжалось и тут же распахнулось навстречу ей. Он поспешил к ней – как ребенок, увидевший в толпе любимого человека. Шапка соскользнула с рук, но он даже не заметил. Он видел только ее – красивую, настоящую, чуть растрепанную от ветра, с пушистой шапкой, сбившейся на затылок, с серым шарфом в голубую клетку, с открытыми плечами и теплом, исходящим от всего ее существа.

Они встретились, не сказав ни слова, только раскинули руки – и в следующую секунду слились в объятии, которое казалось вечным. Он поднял ее, закружил прямо на ступеньках, как в старом фильме, а она смеялась – легко, звонко, искренне. Смех ее напоминал весенний ручей, только начавший журчать.

Он поставил ее на землю, обнял крепко-крепко, как будто боялся отпустить.

– Ну как ты? – спросила она, заглянув ему в глаза, улыбаясь, чуть прищурившись от солнца.

Он услышал «ты» – и сердце его затрепетало.

– Теперь лучше всех! – бодро ответил он, сияя от счастья. – Пойдём гулять?

Они взялись за руки, как подростки, и пошли по променаду, мимо цветочных витрин и ярких вывесок, среди улыбающихся прохожих и оживших деревьев. Вадим чувствовал ее ладонь – теплую, живую, – и это прикосновение казалось настоящей жизнью. Они говорили о

пустяках: о весне, о вкусном пироге с вишней, о смешных историях из аптеки, о новых кроссовках мальчишки, пробежавшего мимо. Они не замечали ничего вокруг – только друг друга.

Чем дальше они шли, тем теплее становилось, – но это не удивляло их. Все в этом сне было логично: природа, как и их чувства, раскрывалась, теплела, расцветала. Где-то в глубине души Вадим понимал, что это не может быть наяву. Но ему было все равно. Он хотел быть здесь. С ней.

На одном из перекрестков они остановились, не говоря ни слова. Вадим взял Лилию за талию, притянул к себе, его большие ладони легли на ее лицо – бережно, как лепестки. Он посмотрел в ее глаза и в них увидел все: тепло, волнение, нежность, доверие. Не раздумывая, он наклонился и поцеловал ее. Губы ее были мягкими, прохладными и вкусными, как весна. Она закрыла глаза, встала на носочки и замерла, прижавшись к нему всем телом.

Время остановилось. Мир исчез. Остались только они двое, в свете полуденного солнца, под лазурным небом.

И вдруг, сквозь блаженство сна, пришел грубый, земной голос:

– Вадик, Вадик... пора на уколы.

Он резко открыл глаза. Над ним стоял дед Горошников, слегка потряхивая за плечо. Вадим медленно сел на койке, не сразу понимая, где он. Секунды путаницы – и реальность вернулась: больничная палата, серое окно, неулыбчивое небо. И пустота.

– Сон... – прошептал он. – Это был всего лишь сон...

Но как же все было живо, как по-настоящему! Он провел рукой по губам – как будто там все еще остался ее поцелуй. Он закрыл глаза и вновь увидел этот лазурный свет, услышал ее голос, почувствовал ладонь в своей руке.

«Если даже это был только сон, – подумал он, – значит, душа моя уже знает, что ей нужно. Она выбрала...»

И теперь каждую ночь он ждал – может, снова получится вернуться туда. На ту самую площадь, в солнечный город, где весна не кончается, а Лилия идет ему навстречу, улыбаясь.

Морозное дыхание признания

Лилия шла по длинному, ярко освещенному коридору городской больницы, медленно, не торопясь. Шаги ее отдавались легким эхом по кафельному полу, а сердце все еще звучало последним взглядом, последним словом, последним прикосновением, с которым она попрощалась с Вадимом. В коридоре было тепло, сухо, пахло лекарствами и чем-то сладковато-затхлым – запах больничных стен, в которые впитались сотни человеческих историй.

Возле вешалки она остановилась, поправила волосы перед зеркалом, будто проверяя: «А все ли на месте? Ничего ли не выдает моего волнения?» Потом медленно натянула свое пальто благородного бордового цвета – оно мягко облегалo ее фигуру, подчеркивая стройность и вкус. Шарф, серый в голубую клетку, она повязала особенно аккуратно, как будто кто-то мог бы смотреть. А может, он все еще смотрит?

Около окна Лилия остановилась. За толстым стеклом лежал безмолвный больничный двор, окутанный зимней тишиной. Деревья, тонкие и хрупкие, стояли будто в стеклянной оправе – покрытые тонкой коркой льда, словно застывшие в ожидании весны. Ветер едва-едва колыхал их ветви, оставляя еле заметные следы на белом снежном покрывале.

Она всмотрелась в эту картину – и ей стало немного щемяще. Прекрасно. Одиноко. Знакомо.

«Как же чисто. Дорожки расчищены, посыпаны песком... Старается дворник, молодец, – отметила она про себя. Взгляд скользнул вниз, на подоконник, по которому она провела пальцем. На коже остался плотный налет пыли. – А вот санитарочка...»

Но не это занимало ее мысли. Под внешней суетной оценкой бурлило совсем иное.

«Зачем я вообще пришла? – мысленно спросила она себя. – Почему сказала Вадиму, что просто мимо проходила? Ведь это неправда. Я собиралась, подбирала одежду, подкрашивала губы, надеялась, что он будет рад... – Она смутилась, почувствовав, как внутри вспыхнуло легкое чувство вины. Как будто кто-то подслушал ее самые сокровенные намерения и теперь осуждающе молчит. – Я – замужняя женщина. У меня дети. У него – тоже. Что вообще я здесь делаю?» Но сердце не соглашалось с упреками разума. Там, у больничной палаты, она снова почувствовала себя живой. Настоящей. Той, которой когда-то была, – до пеленок, графиков, рецептов и серых дней.

«Я просто хотела его увидеть... Услышать его голос. Убедиться, что он жив, что он не исчез. Что с ним все хорошо. Это ведь не преступление?» Внутренний голос отвечал неуверенно: «Мог бы и сам позвонить. Сказать, что заболел. Хоть одно слово...» «А почему он должен был отчитываться? Мы кто друг другу?» И тут же, вопреки всему, сама себе ответила: «Никто. Но мне он – не никто».

Эта мысль была одновременно освобождающей и обжигающе обнажающей. Она не имела на него прав, но чувствовала к нему тепло. Тонкое, неоформленное, но настоящее.

С усмешкой на устах, чуть ироничной, она достала белоснежный носовой платок – тот самый, с кружевами по краю, который всегда лежал у нее в сумочке как знак ее прежней, почти забытой женственности. Смахнула пыль с пальца, положила платок обратно и направилась к выходу.

За дверьми ее встретил морозный воздух – чистый, колючий и пьянящий. Он обжигал лицо, вдыхался до самой глубины легких и будто бы смывал остатки тревог и сомнений. Снег мягко хрустывал под каблуками, небо было бледно-голубым, почти прозрачным, как будто вот-вот должно было упасть на землю. Солнце скользило по замерзшим крышам, отбрасывая длинные золотистые тени.

Лилия шла пешком, не спеша. Шарф развевался на ветру, лицо покраснело от мороза, но в глазах было тихое, светлое счастье. Она думала о доме, о супе для семьи, о крахмале, о

детских перчатках – да, конечно. Все это тоже было важно. Но внутри, глубоко в груди, как маленький огонек, жила мысль о Вадиме.

Подходя к дому, она снова позволила себе вернуться туда – в ту палату, в тот взгляд, в его чуть растерянную, но теплую улыбку. Она вспомнила, как он оживился при ее появлении, как будто из тусклого больничного воздуха внезапно вырвался глоток жизни.

И это тепло, это внимание – оно было для нее. Она это знала. Неосознанно, тихо, но точно.

«Может, это безумие. Может, это ни к чему не приведет, – подумала она, подходя к подъезду. – Но почему же тогда на душе так хорошо?»

Она прижала ладонь к груди – туда, где тихо билось сердце. Оно стучало ровно, но с какой-то новой мелодией. И в этой мелодии слышались надежда, трепет и обещание. Обещание весны.

Вадим Николаевич, а сколько вам лет?

20 декабря 1992 Захарова выписали из больницы. Он решил пройти пешком, потому что почти месяц не был на улице. Свежий воздух был поначалу даже слишком свежим и обжигал ноздри, горло, бронхи, пришлось прятать нос в воротник пальто, смягчая тем самым «ударное воздействие» морозного воздуха. Больше всех его возвращению обрадовались дети: Любаша, которой через несколько дней исполнялось 8 лет, и четырехлетняя младшая доча Танюша, которую Вадим называл Чип за ее неимоверное желание всем помогать, будь это родные, близкие или просто чужие люди. Слово «Чип» имеет много значений, но источником являлся полюбившийся малышам и взрослым мультфильм «Чип и Дейл спешат на помощь», где у одного из главных героев было также ярко выраженное свойство характера безвозмездно помогать другим людям.

На следующий день выйдя на работу, сразу после планерки у начальника Вадим позвонил Лилии, ему очень захотелось услышать ее такой ставший для него дорогим голос. «Центральная аптека, Лебедева, здравствуйте», – раздался в трубке знакомый голос. Нужно было соблюдать официальные отношения: «Здравствуйте, Лилия Александровна, это Захаров». «Вадим Николаевич, здравствуйте. Когда вас выписали? Как вы себя чувствуете?» «Со вчерашнего дня я уже свободен от докторов и уколов, – попробовал пошутить Вадим. – Чувствую себя хорошо». «Я очень рада за вас. Может, нужны какие-то лекарства для восстановления организма?» Вадим почти не слышал, что говорят на другом конце провода, но он очень хорошо слышал мелодию ее голоса и этот приятный тембр, который проникал прямо в душу. Только с задержкой сообразив, что нужно что-то ответить, Захаров поблагодарил Лилию за предложение помощи и плавно перешел к выяснению служебного вопроса, касавшегося финансовой деятельности центральной аптеки города Степаногорска. В конце разговора, сославшись на необходимость личного ознакомления с документацией в стенах аптеки, Вадим спросил, будет ли Лилия Александровна у себя в кабинете в названное им время через два дня. Получив положительный ответ и вежливо попрощавшись, Вадим положил трубку.

В назначенное время он вошел в аптеку. За кассой сидела все та же Женька, которая, как ему показалось, излишне вежливо поздоровавшись с Вадимом, сказала: «Лилия Александровна у себя». Поблагодарив ее за информацию, Захаров направился уверенной походкой к кабинету Лилии. Постучав в дверь и услышав дорогой голос: «Да-да, входите!» – открыл дверь. Лилия сидела за столом и, как всегда, что-то писала. Переведя взгляд на Вадима, отложила документы в сторону и предложила ему присесть. Чтобы оправдать свой визит, Вадим задал несколько вопросов, попросил показать ему некоторые документы и, когда закончил, спросил: «Лилия Александровна, можно чашечку чая?» Это означало, что он не собирается сразу уходить. Увидев по реакции Лилии, что идея с чаем ей тоже понравилась, Захаров несколько успокоился. К чаю нашлись печенье и конфеты. «Это от благодарных пациентов, – пошутила Лилия. – Количество таких пациентов очень быстро сокращается. Многих позиций лекарств уже просто нет и неизвестно когда будут». О плохом совсем не хотелось говорить. Разговор зашел о вышедшем недавно фильме «Прощальные гастроли», главную героиню которого Нину сыграла Людмила Гурченко.

Фильм был показан только по телевизору, хотя планировался для большого экрана. Лилия была под впечатлением игры своей любимой актрисы, сумевшей пронести свою любовь к режиссеру практически через всю жизнь. Развернувшееся действие фильма в вагоне поезда, где вместе едут на гастроли четыре любимые женщины знаменитого режиссера, держит в напряжении и эмоционально не отпускает. Двое из них – бывшие жены, одна – настоящая, а четвертая – старшая из них – любовь всей его жизни, являющаяся примой театра. Трогательно-гениальная игра Людмилы Марковны оставила как у Вадима, так и у Лилии неизгладимое

мое впечатление. После короткой паузы Лилия вдруг спросила: «Вадим Николаевич, а сколько вам лет?» Услышав в ответ, что Захарову 31 год, Лилия как-то огорчилась, а затем, вздохнув, выпалила: «Я думала, хотя бы 33». Вадим, конечно же, уже знал, что ей 38 лет и что день рождения у нее тоже 10 мая, как и у его младшей дочери Танюши. Поблагодарив Лилию за чай и за приятную беседу, Вадим попрощался и, сказав дурацкую фразу: «Вы, если что, звоните», – удалился. Ведь ему тогда еще не было известно, что его визитная карточка еще при их первой встрече заняла свое достойное место в мусорной корзине Лилии Александровны.

После ухода Вадима Лилия попробовала продолжить свою работу с документами. Переворачивала страницу за страницей, смотрела на цифры, таблицы, расчеты, заявки и... не могла сосредоточиться. Мысли вокруг только что состоявшегося разговора пробегали в ее голове одна за другой. Какое-то щемящее под ложечкой чувство не давало ей покоя. Мысленно она спрашивала себя: «Лилия, ты, что ли, расстроилась?» И сама же отвечала: «Да, немного». «Но почему?» «Вадим совсем молодой, ему 31 год, а мне 38». В этот раз она сама удивилась, что не стала спрашивать себя: «Какое тебе дело?» Ей было уже не все равно. Если не все равно, тогда как? Лилия просто хотела увидеть Вадима снова, попить с ним вдвоем чаю или кофе, поговорить опять о новом фильме. Это было так здорово! А как же возраст? Сама же себе Лилия ответила – какое отношение имеет возраст к чашке ароматного индийского чая с малиновым вареньем? Никакого.

Покинув кабинет Лилии Александровны, Вадим направился в Отдел финансового контроля, чтобы завершить обработку собранных за день на объектах материалов. Замечаний и дел об административных нарушениях финансовой дисциплины становилось все больше и больше. Ответов на вопросы, что с ними делать, на какие законы и подзаконные акты ориентироваться, было все меньше и меньше. Законодательная и административная система не успевала за стремительными изменениями, происходящими в жизни, экономике с «отпущенными» ценами и валютными курсами. Конечно, данная ситуация не оставляла Вадима равнодушным. Он привык выполнять свою работу добросовестно и безукоризненно, что ему до сих пор удавалось.

Обработав, рассортировав и подшивив последние документы, Вадим откинулся на спинку стула и мог, наконец, еще раз за сегодняшний день вернуться мысленно к ней – к Лилии. Уже сама эта возможность вызывала у него теплые, трепетные чувства. Снова и снова возвращался он к сегодняшнему разговору, вспоминая эти прекрасные голубые глаза, восхитительную улыбку и такой милый, дорогой и ставший родным голос с неповторимым теплым тембром. Два слова, ставшие, по мнению Вадима, «визитной карточкой» Лилии в его представлении, звучали из ее уст просто волшебным. Казалось бы, имеющее негативный оттенок слово «ужасно», произносимое ею по отношению, например, к понравившейся сцене из кинофильма, придавали этому выражению особую силу, шарм и неповторимую красоту. «Людмила Марковна, героиня которой Нина – любовь всей жизни режиссера – передала всю глубину большого обоюдного чувства главных действующих лиц. Это мне ужасно понравилось». Или другое выражение: «Просто замечательно сыграли обе бывшие и одна настоящая жены режиссера». Для Вадима звучали эти слова как музыка. Он готов был слушать их еще и еще. Но как? Когда? Где?

Просьба дедушки Горошникова

Через два дня после встречи с Лилией в аптеке Вадим, выйдя от одного из руководителей государственного подшипникового завода, где он должен был донести информацию о финансовых нарушениях на предприятии, остановился у проходной. К сожалению, он не нашел понимания со стороны собеседника, которому предлагалось устранить имеющиеся нарушения сейчас, на ранней стадии, пока они не переросли в уголовные преследования. Официальную обобщенную справку, подписанную начальником отдела финансового контроля, он лично передал заместителю директора под роспись. Однако реакция заместителя руководителя предприятия его очень удивила и огорчила. Ссылаясь на устаревшие на тот момент законодательные акты и постановления правительства, собеседник был уверен, что никаких нарушений не имеется, а следовательно, исправлять нечего, и он этого делать не будет. Аргументы Вадима не принимались во внимание. Выполнив свою часть работы, потому что других методов и средств воздействия на нарушителей у него не было, он, стараясь оставаться вежливым и спокойным, попрощался и удалился из кабинета.

Стоя возле проходной, Захаров пытался найти объяснение подобному поведению официального лица завода и не находил его. На душе было нехорошо. Если бы он курил, то наверняка затянулся бы глубоко табачным дымом и, может быть, успокоился. Но он не курил. Никогда. Научился справляться со стрессовыми ситуациями без этого зелья, противником которого он являлся с самого детства. Его отец, Николай Иванович, курил очень много. До трех пачек в день. Вадим помнит еще ребенком полки в летней кухне, заполненные пачками папирос «Прибой», «Север», «Беломорканал» и сигаретами без фильтра «Архар», «Памир», «Прима». Отец, тяжело работая газосварщиком, не выпускал папиросу или сигарету изо рта. Дым от газовой горелки или копоть от электросварки смешивались с табачным дымом и проникали в легкие, потихоньку подтачивая здоровье. Когда отцу исполнилось 45 лет, он принял решение бросить курить. Позвав Вадима в кухню, где лежали на полках сигареты, он сказал: «Вадька, посмотри, это моя последняя сигарета. Я бросаю курить». При этом затушил сигарету в пепельнице, собрал оставшиеся несколько пачек папирос с полки и без всякого сожаления выбросил их в мусорное ведро, которое по привычке принято было называть помойным. Даже тогда Вадиму было понятно, что табачная зависимость очень сильна. Не всякий мог с ней справиться. Однако отец был человеком с сильным характером и больше никогда не притронулся к папиросе или сигарете. Захаров запомнил это на всю жизнь и всегда в трудных ситуациях вспоминал отца, его волю и силу характера.

«Вадим, ты, что ли?» – услышал он сзади знакомый мужской голос. Обернувшись, увидел быстро приближавшегося к нему с распростертыми объятиями соседа по больничной палате деда Горошникова. Захаров обрадовался встрече, потому что за месяц тесного общения они действительно подружились, мужественно вместе перенося все тяготы и лишения больничной жизни. «Архип Егорович! Когда вас выписали?» «На следующий день после тебя. Я сказал врачам, что не желаю оставаться в больнице без моего друга Вадима, – пошутил он. – А у меня есть к тебе дело. Я тебе рассказывал, что мои дети живут на Дальнем Востоке. Так вот они пригласили меня пожить у них некоторое время, а если понравится, то окончательно переехать к ним. Я не хотел бы на такое долгое время оставлять квартиру без присмотра. Ты не мог бы приглядеть, иногда вынимать почту, поливать цветы, да и вообще посмотреть, чтобы не залило кого, если будут проблемы с водопроводом или канализация протечет? – Горошникову Вадим не мог отказать. Конечно, он согласился. Архип Егорович достал из кармана ключи, записку с написанным адресом его квартиры в Степаногорске и детей на Дальнем Востоке и передал Вадиму. – Вот спасибо, выручил. А то мне уже завтра уезжать на поезде из Целинограда. У меня есть запасные ключи. Я сегодня еще переночую, а завтра – в путь-дорогу.

Наверное, неделю буду колесить по просторам нашей великой страны». Вадим пожелал другу счастливого пути, они обнялись и, попрощавшись, расстались. Через несколько минут водитель Сергей прибыл на уазике за Захаровым и доставил его в отдел финансового контроля.

Мы близкие случайные соседи?

Лилия стояла на кухне у окна в своей квартире на третьем этаже, смотрела во двор. Новогодние праздники отшумели, утренник в детском садике у сына Ванечки и праздничный вечер у дочки Людаши в школе тоже прошли. Чтобы эти мероприятия прошли достойно, принесли детям радость, родителям приходилось предпринимать все больше усилий, проявляя смекалку и находчивость, делая все, чтобы дети как можно меньше почувствовали как недостаток денег, так и отсутствие возможности что-то хорошее на них купить. Базар был уже завален китайскими товарами, ассортимент которых был широк, но качество никуда не годное. Это касалось, например, одежды – спортивных костюмов, так называемых «жаток», курток, с висящими нитками и кривыми швами, коробочек с косметикой, в которую входили набор теней для век, тушь для ресниц и бровей, губные помады различных оттенков. Проверять было нельзя, потому что «открытую упаковку никто не купит». Дома же выяснялось, что тени не держатся на веках, тушь для ресниц, по-видимому, из-за давно истекшего срока годности высохла и на попытки разбавить ее водой или спиртом почему-то не реагировала. Губная помада была как будто с мелким песком и выглядела на губах просто неприлично. Выброшенные деньги, которых и так не хватало. Попытки вернуть некачественный товар продавцу очень редко заканчивались успехом.

В большинстве случаев дело поворачивалось так, что покупатель чувствовал себя виноватым, что отвлекает такими «глупостями» серьезного, занятого и честного человека – продавца. Подрастал целый класс такого рода «бизнесменов», делавших первые деньги на обмане, лжи и наглости. Как и многие другие, Лилия попадала в эти ловушки, потому что выбора не было, при этом удивляясь, что среди продавцов были ее очень хорошие знакомые, которым она доверяла, которым много раз помогала с лекарствами. Казалось бы, она должна была быть защищена на базаре от лукавства, всучивания подделок и бесцеремонного обмана. Но это только казалось. В реальности люди изменились, как только появилась первая возможность «срубить» немного денег. Честность, мораль, товарищеские отношения потеряли для них значение. Перенесенное из американских голливудских фильмов про миллионеров выражение «ничего личного, только бизнес» во время дикого капитализма звучало кощунственно. Подобные мысли быстро проносились в ее голове, не прибавляя хорошего настроения.

Из подъезда дома напротив вышли четверо: двое взрослых, мужчина и женщина, и двое детей, примерно четырех и восьми лет, одетые в мохнатые шубки, с завязанными шарфами. Вадима она сразу узнала. Это был точно он. Но что он здесь, в их дворе, делает? Да еще и с «этой», скорее всего, с женой? Кровь прилила к ее лицу, стало жарко... Лилия проводила вышедших взглядом до угла дома и поняла, что ревнует Вадима к его жене. Даже себе она не могла в этом чувстве признаться, настолько это было для нее необычно, ведь разум, рассудок говорил совсем другое: ты, замужняя женщина с двумя золотыми детьми, не имеешь права даже думать о другом мужчине. А ты еще и как будто ревнуешь.

Когда все четверо скрылись за углом, Лилия отошла от окна, села на диван. Делать ничего не хотелось. На душе было тяжело. Одновременно ее интересовало, как здесь оказался Вадим. Было бы слишком невероятным совпадением, чтобы Вадим жил с ней в одном дворе, в первом микрорайоне. Ведь она знала всех жильцов, хотя бы в лицо, живущих во всех трех четырехэтажных домах, окружавших двор в виде буквы «П». «А почему ты, дорогая, так усложняешь простые вещи? – подумала Лилия. – Вадим позвонит (а если больше не позвонит? От этой мысли ей стало не по себе, она прогнала ее прочь), и я спрошу его, что он делал в нашем дворе». Ей сразу стало легче, как будто было найдено решение большой и сложной проблемы. Дальше думать не хотелось. Она заставила себя встать с дивана и, как всегда делала в таких случаях, взяла сковороду, которая и без этого была чистой, начала ее натирать чистящим средством,

пока она не засверкала как зеркало. Ополоснув холодной водой и внимательно осмотрев сковороду со всех сторон, Лилия осталась довольна своей работой.

Приглашение на кофе

Квартира деда Горошникова находилась в четвертом микрорайоне на третьем этаже. Как обещал, Вадим пришел проверить, все ли в порядке. Три комнаты, кухня и ванная выглядели ухоженными и чистыми. Дедушка был аккуратным и чистоплотным: везде прослеживалась определенная система, вещи лежали на своих местах, пыли не видно, ковровые дорожки также чистые, так они выглядят, если их чистят снегом. В прихожей на специальном столике стоял телефонный аппарат. Это была возможность сразу же услышать Ее такой милый и дорогой голос. Хотя бы чуть-чуть, хоть недолго, хоть что-то. Набрав уже наизусть выученный номер телефона аптеки Вадим, ждал ответа. Один гудок следовал за другим, но никто не отвечал. Он терпеливо ждал ответа, но слышал только противные гудки.

Положив трубку и подумав для собственного успокоения, что у Лилии, наверное, другая смена, продолжил осмотр квартиры. Полив цветы, установив регуляторы радиаторов на минимум, не выключая совсем, чтобы горячая вода циркулировала, Вадим направился к выходу. Дойдя до телефона, набрал снова знакомый номер аптеки, раздалась гудки, немного подождя, хотел положить трубку, но вдруг услышал: «Центральная аптека...» Это был ее голос. Он слышал ее дыхание, так дышат люди, которые быстро преодолели определенное расстояние. Вадим решил пошутить и спросил: «Почему вы, Лилия Александровна, не представляетесь полностью?» Ответ его обескуражил: «Я знала, что это ты. А что ты делал вчера в нашем дворе?» «Я теперь там живу, напротив тебя. Получил квартиру. Прямо над квартирой главного врача медсанчасти, – ответил Вадим и продолжил: – Как ты смотришь на то, если я приглашу тебя на кофе?» «Что, прямо домой? А что скажет жена?» «Не домой. У меня есть знакомый дедушка, который сейчас в отъезде, и я присматриваю за его квартирой». Наступило короткое молчание. Уже зная Лилию, Вадим видел «через телефонную трубку» лицо этого дорогого ему человека, как она, наверное, покраснела, представив, что останется один на один с чужим мужчиной в квартире какого-то дедушки... На другом конце провода примерно так все и было: «С чужим?» – подумала Лилия. И не нашла ответа на этот простой вопрос. «Я не приду, Вадик, не обижайся на меня, пожалуйста», – услышал он в трубке. Вадим попросил Лилию записать номер телефона дедушки, что она и сделала, сама не зная зачем, потому что звонить не собиралась. В разговоре он также сказал, по каким дням и в какое время будет приходить к дедушке поливать цветы и проверять отопление. Покинув квартиру, Вадим отправился пешком в отдел финконтроля. По пути зайдя на базар, остановился у прилавка, где продавали в том числе и кофе. Его внимание привлекла популярная в то время плоская металлическая баночка коричневого цвета с 90 г растворимого кофе. На боковой стороне было латинскими буквами написано: «Indian instand coffee» и изображена полуобнаженная индийская танцовщица с широкими бедрами, задача которой и была убедить покупателя, что кофе на самом деле произведен в Индии и только что доставлен на базар города Степаногорска. Улыбнувшись своим мыслям о кофе, он взял еще коробку конфет Карагандинской кондитерской фабрики и продолжил свой путь в Отдел финансового контроля.

От центральной аптеки до дома пешком идти нужно было примерно полчаса. Лилия шла по заснеженному Целиноградскому проспекту. Снег перестал. Навстречу ей по проезжей части дороги двигалась снегоуборочная машина, образуя снежный вихрь, похожий на метель. Ей пришлось остановиться и отойти в сторону, потому что часть этого вихря доставала до тротуара. Она снова и снова возвращалась к телефонному разговору с Вадимом. Почему-то же он позвонил... Значит, я ему тоже нравлюсь? На слове «тоже» она задержала свое внимание, уж слишком естественно оно прозвучало в ее голове. Ага, значит, Вадим тебе нравится? Первый раз она задала себе этот вопрос напрямую, не пытаясь от него убежать, скрыться или спрятаться. «А разве я имею право на то, чтобы мне нравился какой-то мужчина?» Последний вопрос был

поставлен ей самой себе настолько прямо и откровенно, что от его простоты пришло возмущение. «О каких правах ты, дорогая, говоришь? Разве эта часть жизни прописана в Кодексе об административных правонарушениях? Не прописана. Да, мне, замужней женщине с двумя детьми, понравился мужчина. А что, раньше никакой мужчина не нравился? Никто никогда не смотрел на тебя с восторгом и восхищением и не говорил комплименты? Смотрел и говорил. Не скажу, что мне было неприятно. Любой женщине приятно, если ей говорят комплименты». Лилия свернула в сторону третьего микрорайона и продолжила путь дворами, где знала каждую тропиночку. «Да, было приятно. Но через минуту я о них забывала и никогда больше не вспоминала. Что касается Вадима, я помню все. Как он принес мне цветы на 9 Мая, как засмутился, когда я сказала, что я не ветеран Великой Отечественной войны, хотя держался молодцом, стараясь не подавать виду. Теперь бы я так не сказала... А его красные щеки в больнице, когда я к нему пришла, чтобы поведать. Он взял меня за плечи... А ведь мне было это приятно. Взял за плечи и сказал, что не нужно ничего варить и приносить, что у него есть жена. А мне все равно понравилось... И что это за совпадение, что он живет теперь в доме напротив? Значит, я смогу его теперь каждый день видеть из окна?» Но голос разума говорил: ты что, собираешься торчать у окна и ждать, когда он выйдет из подъезда? Вдруг тот же самый голос задал простой, понятный, но неожиданный вопрос: уж не влюбилась ли ты, дорогая Лилия Александровна? Как можно отличить, влюбилась или нет, – ответа у нее не было. У нее есть муж, есть дети, семья. А любовь? Была ли? Есть ли? Какая она вообще – любовь? Только тут она заметила, что подходит к своему дому. «Хватит летать в облаках и думать о всяких глупостях». А думать об этих глупостях почему-то хотелось все чаще и чаще.

Спасибо любимой свекрови

Закончив осмотр квартиры деда Горошникова очередной раз, Вадим направился к выходу. Снял с вешалки пальто, шарф и шапку, не спеша оделся и, бросив взгляд еще раз на радиатор отопления, установленный в прихожей, вышел на лестничную площадку и запер за собой дверь. Неожиданно он услышал телефонный звонок, раздавшийся из только что покинутой им квартиры. «Это моя Лилия!» – пронеслось у него в голове. Быстро вынув ключ из кармана пальто, Вадим попытался попасть в замочную скважину, но получилось не сразу, за что он на себя рассердился. Наконец, открыв дверь, бросился к телефону, снял трубку и пытаясь быть спокойным произнес: «Алло, здравствуйте!» «Здравствуйте!» – раздалось на другом конце провода. Конечно, он узнал бы этот голос из сотен других: это был Ее голос. «Ты приглашал меня на кофе. Можно я приду через полчаса?» «Конечно, можно», – выпалил Вадим, не контролируя свои эмоции от радости. От радости просто снова увидеть Лилию, услышать ее голос и вместе с ней, только вдвоем выпить по чашечке ароматного, душистого, настоящего индийского кофе. Вскипятив воду в чайнике, поставив на стол чашечки, кофе, сахар и открыв коробку конфет той самой карагандинской фабрики, Вадим в ожидании ходил по комнате и смотрел то на часы, то на дверь. Время тянулось так медленно, как тянулась американская жвачка «Wrigley's spearmint», которой был завален базар и которая больше всех других продуктов рекламировалась по телевизору.

В дверь позвонили. Вадим был рядом и открыл дверь через несколько секунд. На пороге стояла Лилия, в своей такой уже любимой Вадимом нутриевой шапке, слегка сдвинутой на затылок, в пальто и том самом шарфе, в котором она приходила к нему в больницу. Щеки и кончик носа у нее были красные с мороза. Пригласив ее войти, Вадим помог снять пальто и шапку. Прикоснувшись к ее рукам, он почувствовал, какие они холодные, и, взяв в свои ладони, немного наклонившись вперед, поднес их к губам и дыханием попытался согреть. Лилия не сопротивлялась, было заметно, что первое напряжение от встречи постепенно сменялось спокойствием. В своем пуховом свитере с большим модным воротником, в котором присутствовали фиолетовые, бежевые и серебристые цвета, и бордовой шерстяной юбке миди с небольшим разрезом сзади она выглядела потрясающе. «Ты можешь разуться, пусть ножки согреются», – предложил Вадим. Увидев некоторое замешательство со стороны Лилии, он его неправильно истолковал и, подняв обе руки вверх, шутливо заверил вошедшую: «Обещаю, приставать не буду!»

А дело было вот в чем: ее единственные финские сапоги, которым было уже несколько лет, не выдержали нагрузки в виде сырости, мокрого снега, мороза и соли – в обоих сломалась застежка-молния. Отремонтировать было негде, запасных замков не найти, а ходить в чем-то надо. Пришло решение: перед выходом из дома Лилия надевала сапоги и зашивала их снизу доверху с помощью обыкновенной иглки с ниткой. Вечером распарывала нитки и снимала. Вадим видел много всего необыкновенного, как люди приспосабливались к новым условиям существования, но это было нечто особенное. Он посмотрел на Лилию, что-то соображая. В это время, поймав недоуменный взгляд Вадима, смотревшего то на нее, то на сапоги, она что-то достала из сумочки и зажала в ладони. Он перевел взгляд с сапог на ее сжатую ладонь. Лилия медленно разжала ее – на ладони оказались катушка коричневых ниток и утопленная в нитки иглка. Секунду они смотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. Очень кстати сапоги были сброшены, и ногам стало теплее.

Горячий кофе, прикосновения и любовь

Горячий растворимый кофе с сахаром, молоком и конфетами был очень вкусным. Они сидели за столом напротив друг друга. Лилия призналась, что не собиралась приходить к бабушке. Однако одно обстоятельство сыграло решающую роль в принятии прямо противоположного решения. К ним приехала погостить баба Зоя – свекровь из деревни Алексеевка. Отношения со свекровью у Лилии не заладились с самого начала. Чем дальше, тем становилось только хуже. Постоянное вмешательство в жизнь сына с «благими» намерениями, желание поставить на место «непутевую» сноху вызывали ответную реакцию. Вызвали эту реакцию и сегодня в виде прихода сюда, чтобы не находиться с ней под одной крышей. «Спасибо бабушке, она хороший человек», – быстро выпалил Вадим, как бы давая оценку и характеристику свекрови. Лилия немного опешила, смотрела на него своими широко раскрытыми голубыми глазами и, пригубив чашечку кофе, улыбнувшись, произнесла: «Да, ты прав, спасибо бабушке. Когда бы я еще попила такой вкусный кофе...» Они поговорили еще о последних новинках кино, в частности, о фильме «Афганский излом» с Татьяной Догилевой в одной из ролей. Вадим предложил пересесть на диван, чтобы продолжить общение. За время нахождения в больнице он много читал, например, темы нумерологии и эзотерики интересовали его особенно. Он предложил Лилии по линиям на ладони и составленному числовому ряду из даты ее рождения рассказать об особенностях ее характера. Взял ее ладошку в свою, она была теплой и мягкой, провел указательным пальцем правой руки по линиям жизни, начал вслух суммировать цифры из даты рождения, обращая внимание на то, каких цифр получается больше, каждая имеет значение. Внимательно слушая, Лилия смотрела на него, слегка опустив голову и повернув ее в его сторону, на губах у нее была легкая улыбка. Неожиданно для Вадима она накрыла другой ладонью руку Вадима и сказала: «Вадик, поцелуй меня...» Уговаривать его было не нужно, ему очень хотелось поцеловать ее. Обняв ее за шею и плечи, крепко притянув к себе, отчего она немножко съежилась, он сначала осторожно прикоснулся губами к ее губам, постепенно переходя на долгий, сладкий и нежный поцелуй. Оторвавшись от ее губ только для того, чтобы покрыть поцелуями лицо, глаза, он снова и снова целовал ее в губы, одновременно лаская руками волосы, шею, нежно проводя руками по спине. В то же самое время ее руки скользили по его волосам, груди, спине, глаза были прикрыты, дыхание участилось, а губы в перерывах между поцелуями повторяли: «Вадик, какой ты хороший, милый, дорогой... Я очень часто думаю о тебе. Ты мое солнышко». Вадим встал с дивана, взяв Лилию за руки, помог ей тоже встать, положив ее руки себе на плечи, притянул к себе, продолжая ласкать руками спину, шею, волосы, перешел на тонкую талию и, наконец, на место пониже спины. Лилия встала на носочки и прижалась к нему всем телом еще плотнее, глядя на него своими голубыми прекрасными глазами снизу вверх, затем, повернув голову в сторону, прильнула к его груди и замерла, прикрыв глаза. Такой теперь уже любимый Вадимом свитер поддался сразу и был отброшен на стоявший рядом стул. Застежку-молнию на юбке Лилия не разрешила расстегнуть, а, попросив Вадима отвернуться, сама сняла ее и прилегла на диван, оставшись только в нижней рубашке бежевого цвета, очень смущаясь, прикрывая полуобнаженные груди ладонками. Быстро сбросив одежду, Вадим в мгновение ока оказался тоже на диване рядом с Лилией. Обнявшись, они продолжали ласкать друг друга руками и губами, произнося при этом нежные слова, пока, наконец, не слились в единое целое, в единое тело и душу, плоть, состоящую из двух дорогих друг другу сущностей. Какое-то время они не видели и не слышали, что происходит вокруг, где они находятся. Они были счастливы, наслаждаясь друг другом здесь и сейчас, где были только они вдвоем и никого больше. Даже время как будто замерло, опасаясь двигаться дальше, не желая нарушать их счастья, неги, духовной и физической гармонии.

Лилия и Вадим лежали рядом на диване, повернувшись друг к другу. «Вадик, желанный мой», – произнесла Лилия, поглаживая его ладонью по щеке. «Ты моя долгожданная», – чувственно промолвил он, поправляя у нее одну из прядок растрепавшихся волос. Им обоим было так душевно и физически тепло, уютно и спокойно, что словами добавить к этому было нечего. «Я тебя люблю, Малышня ты моя!» – сказал Вадим, поцеловав Лилию очередной раз в губы. При этом она прикрыла глаза и не хотела их открывать, счастливая улыбка осветила ее лицо. Когда она все же их открыла, то, перестав улыбаться, обратилась к Вадиму: «Мой дорогой, любимый мой, женись на мне, я рожу нам с тобой сыночка, похожего на тебя!» Ответить что-то внятное он, конечно, не мог, только снова горячо поцеловал в губы, давая тем самым понять, что очень ценит ее предложение родить ему сына. Ей самой тоже было понятно, сколько препятствий им обоим нужно было бы преодолеть, чтобы быть вместе, поэтому она не продолжала данную тему. Тем временем влюбленные потихоньку возвращались обратно на землю из своего такого короткого и одновременно длинного путешествия в страну волшебного царства истинной любви. Вадим предложил Лилии выпить еще по чашечке кофе, на что получил согласие и занялся его приготовлением, пока его любимая приводила себя в порядок. Из разлитого в красивые чашечки кофе струился неописуемо вкусный аромат. Они снова сидели за столом, оба красивые и счастливые, пили индийский кофе с конфетами, мир вокруг приобрел больше красок. Ежедневные проблемы отошли на второй план и не казались больше трудно преодолимыми. Возвращение домой не казалось Лилии больше таким уж неприятным, несмотря на то, что дома ее ожидала встреча со свекровью, которая будет гостить еще субботу и воскресенье. «Я, как обещала, обязательно скажу свекровушке спасибо, – пообещала она Вадиму. – А сейчас мне пора». Вадим помог Лилии с зашиванием сапог, придерживая их с обеих сторон, чтобы они не расходились. Вдвоем они быстро справились с этой задачей. «Вот, как новенькие!» – пошутил он, поднимаясь с колен. Он обнял любимую за талию и за плечи, крепко к себе прижал и не хотел отпускать. Все же пришлось отпустить. Помогая Лилии надеть пальто, шарф и шапку, Вадим нарочито тянул время, ему не хотелось с ней расставаться. Уже приоткрыв входную дверь, она еще раз обернулась, одарив его своей волшебной, самой красивой и теперь такой дорогой ему улыбкой, нежно кивнув, произнесла: «Пока!» – и вышла на лестничную площадку. Вадим вернулся в комнату, сел на диван и несколько минут просто молча пребывал в состоянии какого-то блаженного спокойствия и душевного удовлетворения. «А ведь это любовь! Если она не такая, то тогда какая?» Последние сомнения в том, что к нему пришла настоящая любовь, были развеяны. Вадим понял, что влюбился.

Не обманываю ли я себя?

Расставшись с Вадимом, Лилия вышла из подъезда многоэтажки и пешком направилась в сторону дома. Самые разные чувства переполняли ее. Однако одно из них преобладало над всеми другими: это была любовь. Она ее сразу узнала, почувствовала всем сердцем, поняла и приняла. Ее ни с чем нельзя было спутать. Знакомо ли ей было уже это состояние души и тела? Нет, не знакомо. Когда вокруг ничего и никого больше не существует. Когда хочется быть с этим человеком каждую секундочку, минутку, просто всегда – днем и ночью. Смотреть на него, прикасаться к нему, слышать его голос. И совсем неважно, что она не большой фанатик хиромантии, нумерологии и гороскопов, ей совсем неважно, о чем идет речь, важно, что это говорит он и только для нее. Сегодняшняя встреча показала, что они оба могли бы признаться друг другу и раньше. Например, в больнице, когда Лилия пришла к Вадиму, чтобы его проведать. А были ли они к этому готовы? Наверное, нет. Боженька дал им обоим время разобраться в своих чувствах и только потом признаться друг другу в любви. Это время пришло, сегодня. Думать далеко вперед не хотелось и было невозможно, потому что жизнь вокруг менялась стремительно.

Небо над головой было тихим и теплым, несмотря на ветер. Город казался иным – будто чутким, внимательным, понимающим. Она шла медленно, растворяясь в своих мыслях, не замечая, как ступают ноги, как шумят машины или как шелестит ветер в кронах еще не до конца проснувшихся деревьев. Все стало фоном. Внутри нее звучала только одна, чистая, сильная, пульсирующая эмоция.

Любовь.

Да. Это она. Точно. Не увлечение, не мимолетная симпатия, не иллюзия тепла. Это – любовь. Такая, что чувствуешь всем телом. Когда от одного взгляда – мурашки. От прикосновения – дрожь. Когда слова его, любые, даже о цифрах и линиях на ладони, становятся ближе и важнее любых смыслов.

«Это он. Это точно он».

Она не искала этого чувства. Она не гналась за ним. Она жила, как могла, как умела. Старалась, терпела, уговаривала себя... А теперь? Как можно было не знать раньше, что любовь – это когда хочешь быть с этим человеком каждую секунду? Просто быть. Молчать вместе, говорить обо всем и ни о чем, сидеть рядом, касаться рукой его руки... Даже его дыхание – родное.

И все же где-то на дне души поднимался знакомый голос – голос разума, осторожный, сдержанный.

«А что дальше? Лилия, ты подумала? Как ты будешь жить? Ведь у тебя есть семья...»

Но сердце не желало диалогов. Оно отвечало без тени сомнения:

«А разве я живу, когда его рядом нет? Разве это – жизнь? Я просто существую. А рядом с ним – оживаю. Дышу. Светлею».

Лилия вспомнила их разговор за столом, перед уходом. Как дрожал ее голос, когда она впервые решилась сказать то, что копилось неделями:

– Вадик, я больше не могу притворяться. Я будто каждый день обманываю саму себя... когда ухожу от тебя.

Он не перебивал. Только смотрел. Так, как умеет смотреть только он, – взглядом, в котором не просто любовь, а понимание. И принятие.

– Лилия, ты думаешь, мне легче? Я живу и думаю только о тебе. Но как мы можем это оправдать? Семьи, жизни...

Оправдать? Она вздрогнула тогда. А теперь вновь прошептала про себя: «Оправдать? А разве любовь нуждается в оправданиях?»

– Я не знаю, – сказала она тогда вслух, – но я знаю, что не хочу больше быть без тебя. Он взял ее руку. Она чувствовала, как его пальцы слегка дрожат.

– Может, это и несправедливо... но для меня это – правильно.

Эти слова застряли в ее сердце, как строчка из песни, которую слышишь однажды и не можешь забыть.

И вот теперь, когда она идет домой, в сторону обычной, будто бы «нормальной» жизни, это «правильно» звучит в ней, как откровение. «Может, и правда все так и должно быть? Может, Бог просто дал нам это чувство не для мучений, а чтобы мы наконец услышали свои сердца?»

Лилия остановилась на перекрестке. Светофор мигал красным, но машин не было. Она осталась стоять.

«Что будет дальше? Я не знаю. Мы оба не знаем. Но разве это важно? Что мне точно известно – я люблю. И больше не могу притворяться, что это не так».

Она не думала о завтрашнем дне. Не строила планов. Мир слишком быстро менялся. Но сегодня... сегодня ее сердце наконец обрело себя. И впервые за долгое время ей было не страшно.

Только тихо, сладко и светло – как бывает в момент, когда любовь становится настоящей.

Благодарение состоялось

Когда Лилия подошла к дому, небо уже начинало окрашиваться в серо-розовые тона вечернего заката. Остывшие ступени крыльца, вытертая ковровая дорожка у двери, тусклый свет в прихожей – все было по-прежнему. Но она вошла в дом другой. Спокойной, полной, почти парящей – с тем теплым, звенящим чувством внутри, которое уже нельзя было назвать иначе, кроме как любовь.

В прихожей пахло щами и духами. Тяжелыми, резкими, немного старомодными – баба Зоя всегда настаивала, что женщина должна пахнуть «по-взрослому». Голоса раздавались из кухни. Зоя Петровна, судя по звуку, активно перемешивала что-то в кастрюле. Лилия медленно сняла пальто, глубоко вдохнула... и пошла на встречу с бурей.

– А! Пришла. Весь день шатаешься, как перекати-поле, – раздался голос свекрови, даже не глядевшей в сторону Лилии. – Дети тут полдня без присмотра. Я одна за троих. Ну ничего, справилась. А вот ты бы не справилась.

«Началось», – пронеслось в голове. Но странное спокойствие не покидало Лилию. Она прошла на кухню, встала у стола, посмотрела на свекровь – ту самую Зою Петровну, грозу всех ее «неумелостей», генерала кастрюль и повелительницу упреков. И вдруг – совершенно искренне – сказала:

– Зоя Петровна... спасибо вам.

Свекровь замерла с половником в руке, будто ее на секунду выключили из реальности.

– Чего?.. – переспросила она, прищурившись.

– Спасибо, что вы приехали. Я... давно не была одна. Сегодня я ушла из дома, потому что почувствовала себя свободной. И это дало мне возможность многое понять. Понять, что важно. Кто важен. Что я чувствую.

Слова звучали мягко, как будто Лилия разговаривала не со свекровью, а с самой собой – вслух, впервые честно. Без страха. Без злости. Только с принятием.

Зоя Петровна поставила половник в кастрюлю, вытерла руки о полотенце. Прищурилась внимательнее. Подозрение на лице сменилось недоумением.

– Что-то ты не договариваешь. Или с температурой? Призналась – и с облегчением?

– Нет. Просто мне стало легче. И я действительно благодарна. Пусть мы с вами не всегда понимали друг друга, я... теперь поняла: вы дали мне паузу. А в этой паузе я услышала свое сердце.

– Ты секту нашла, что ли?.. – пробормотала Зоя, все еще внимательно ее изучая. – Или кто-то тебя отравил сладкими речами?

Лилия чуть улыбнулась. Она понимала, что за каждой колкостью этой женщины – страх потерять контроль, сыновнюю привязанность, страх остаться ненужной. И вместо привычного раздражения в ней вдруг проснулось сочувствие.

– Нет. Просто у меня впервые за долгое время был день, который стал по-настоящему моим. Я его не забуду. А вы – его часть. Пусть даже случайно.

Свекровь стояла молча. И в этой тишине между ними впервые не было враждебности. Лишь напряженная тень непонимания... и растерянности.

– Ну... ладно, – наконец произнесла она. – Щи остывают. Пойдем, поешь. А то развеялась на улице, как девчонка.

Это была почти забота. Почти нежность. По-своему.

Лилия прошла за ней к столу и, опускаясь на стул, подумала: «Иногда достаточно просто сказать “спасибо”, чтобы тронуть даже самое упрямое сердце... Даже если оно спрятано за броней упреков и строгих взглядов. Я больше не боюсь. Я живу. И люблю».

А вокруг все потихоньку приходило в упадок

После развала Советского Союза теперь уже отдельные самостоятельные государства – бывшие союзные республики – оказались в растерянности, что дальше делать, как дальше жить, в каком направлении развиваться, что делать с градообразующими предприятиями, так как финансирование из Центра сократилось, в некоторых случаях прекратилось совсем. Степногорск был одним из таких городов Казахстана, очень зависимым от Центра. Создавалось впечатление, что бывший Центр сам не знал, как дальше правильно поступать, отсюда и родился лозунг «Берите себе столько суверенитета, сколько сможете переварить». Что это означало, никто объяснить не мог и не пытался.

Центральная аптека города Степногорска приходила потихоньку в упадок. Запасы лекарств таяли на глазах. Новые поставки становились нерегулярными и непредсказуемыми. Московское снабжение, являвшееся когда-то гордостью и большим преимуществом города Степногорска, было полностью прекращено. Областное аптечное управление только входило в курс дела, пытаясь добыть хоть какие-то лекарства. Если лекарства находились, отсутствовало финансирование. Просто не было денег. Римма Михайловна, заведующая аптекой, пыталась хоть как-то облегчить ситуацию, выделяя в летнее время персонал для заготовки лекарственных растений на лугах, перелесках, в степи. Из них производились настои, отвары, микстуры и прочие снадобья, чтобы хоть как-то сгладить острую нехватку медикаментов. Снизилась выручка от торговли лекарствами. Начались задержки с выплатой заработной платы сотрудникам аптеки. В рамках так называемой «оптимизации» одна волна сокращений персонала следовала за другой, застав многих сотрудников врасплох. Люди оказались просто на улице. Найти работу по специальности в городе или пригородных поселках было невозможно. Несмотря на заверения заведующей аптекой, что Лилия Александровна Лебедева будет уволена в последнюю очередь, если до этого вообще дойдет, беспокойство за свое рабочее место нарастало. Уж слишком быстро все вокруг менялось и не в лучшую сторону.

Бабушка и дедушка – образцы для подражания

Летом 1992 года родители Лилии и родной брат, будучи немцами по национальности, окончательно определились и засобирались в Германию на постоянное место жительства. Они подпадали под программу так называемых «поздних переселенцев». Это означало, что они, их дети и внуки могут быть приняты в Германии, им будет оказана материальная поддержка, пенсионерам будут пересчитаны пенсии и станут соответствовать ежемесячным суммам, получаемым гражданами Германии, проработавшими аналогичное количество лет по соответствующей специальности. Сам процесс оформления был долгим и сопряженным с многочисленными бюрократическими проволочками. Родителей сразу предупредили, что прохождение документов по всем инстанциям займет не менее двух лет. Конечно, родители предложили и Лилии с семьей выехать вместе с ними. Не объясняя причины, она наотрез отказалась, не найдя понимания со стороны родителей, почему она не желает выехать вместе с ними в Германию. Однако аргументы родителей и брата, касающиеся перспективы жизни в Степаногорске для детей, оказались решающими. Не видя впереди сколько-нибудь ясного просвета для будущей жизни детей, Лилия согласилась также подать документы на выезд. Тайная надежда, что от даты подачи документов до получения вызова должно пройти еще двадцать четыре месяца, а за это время можно и нужно что-то решить, как ей быть с Вадимом вместе, немного успокаивала ее, придавая силы для борьбы с трудностями, помогая в отстаивании своего права на любовь.

Принимая решение о выезде на постоянное место жительства в Германию, Лилия совсем не хотела думать о том, как она будет привыкать к новой стране, новым порядкам, новой окружающей обстановке и, конечно, к новому языку, несмотря на то, что она немного владела немецким языком. Детство ее прошло в значительной степени в г. Алексеевке, где жили ее бабушка и дедушка. Дедушка Иосиф был высокий, интересный, черноволосый интеллигентный мужчина. Порядочность и честность были для него превыше всего. В работе добросовестный, четкий, пунктуальный. В то же время добрейший человек. Дедушка с бабушкой общались преимущественно на немецком языке, но, обращаясь к бабушке, дедушка называл ее «матушкой», а она его «батькой». С детьми и внуками общались они по-разному: работая главным бухгалтером в совхозе, дедушка говорил на обоих языках без акцента. Понимая немецкий язык, когда к детям и внукам обращались дедушка и бабушка, они отвечали, как правило на русском, потому что так было удобнее. Более того, пройдя тяжелые испытания жизнью – с началом Великой Отечественной войны дедушка был отправлен в Трудовую армию, что можно было сравнить с отбыванием наказания за совершенные преступления, и вернувшись обратно в родной город, – он, даже подорвав здоровье в труд армии, не держал зла на Родину, на страну, на конкретных людей, причастных к его высылке. Любовь к музыке проявилась у него уже с детства. Начал учиться играть на органе в церкви, когда ноги еще не доставали до педалей. Самостоятельно освоил игру на мандолине, гитаре, пианино, скрипке. Будучи от природы одаренным человеком, разносторонне развитым, дедушка хорошо играл на пианино, а любимой песней его была «Наш паровоз, вперед лети». В репертуаре были и другие патриотические песни, такие как «Взвейтесь кострами, синие ночи». На этом его разносторонняя любовь к музыке не ограничивалась: в репертуаре были еще и «Марш Наполеона», модные танго, полька, краковяк. А когда приходили гости, то дедушка с бабушкой исполняли под гитару шуточные песни. Но особенная любовь дедушки проявлялась к вальсам. Когда собирались родственники на праздники – Первое мая, 7 ноября – день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции или на встречу Нового года, – гости просили его сыграть вальс, например, «Осенний сон», и все шли танцевать. Когда же, устав от танцев, устраивались на стульях кто где мог, следовали одна песня за другой. Пели все, кто умел, а кто просто хотел петь, старался добросовестно быть громче всех. Исполняли веселые песни и грустные, шуточные и лирические,

про войну и про любовь. Уже получив распределение в Алексеевскую аптеку на работу в бухгалтерию, Лилия очень радовалась, что может какое-то время пожить у бабушки с дедушкой. Дедушка помогал ей осваивать основы бухгалтерского дела. Основа основ любой бухгалтерии – книга записей поступлений и расходов. Дедушка прививал Лилии умение правильно вести эту книгу. Если при заполнении была сделана пометка или ошибка, лист нужно было переписать. «Деньги исправлений не любят», – повторял он. Эти дедушкины уроки Лилия хорошо усвоила и всегда руководствовалась в работе этими основополагающими принципами.

О своей любимой бабушке Полине Лилия могла часами рассказывать. Бабушка была необыкновенным человеком. Такой, как у нее, самодисциплины, самоорганизации, трудолюбия и одновременно доброты и заботы о других Лилия больше не встречала в своей жизни. Не зря она всегда хотела быть похожей на свою бабушку. Когда дедушку забрали в Трудовую армию, ей пришлось одной выживать, неся ответственность не только за себя, но и за своих детей. Оставшись с трех лет без отца, погибшего во время Первой мировой войны в Турции, она вынуждена была вместе с братом просить подаяние. Лилия запомнила ее слова: «Если вам на жизненном пути повстречается человек, просящий подаяние, подайте ему обязательно, сколько можете. Не дай бог пережить такое еще раз...» С 10 лет работала уже няней и прислугой. В 16 лет – замужество, борьба за жизнь тяжело больного мужа, рождение детей. Высылка в Казахстан и голод, голод, голод... Борьба за выживание. Постоянный труд: кроме своего хозяйства, стеклила окна, клала печи, стегала одеяла, изготавливала восковые цветы, которые затем складывались в венки для невест или в венки для похорон. Бабушка успевала обшивать всю семью, содержала все и всех в порядке. Работала быстро и всегда припевала. Имея сильный характер, была строга к детям и внукам, но строже всех относилась к себе. А ведь она была матерью 11 (одиннадцати!) детей! Тем удивительнее была ее любовь к литературе. Многие немецкие сказки Лилия впервые услышала от бабушки. Удивительной была и ее любовь к русской литературе и поэзии. В редкие свободные минуты (которые так любили все внуки!), когда с их помощью, наперегонки, все домашние дела в этот день были переделаны, бабушка могла позволить себе прилечь на кровать и просила почитать ей «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Сказку о царе Салтане» или роман «Анжелика и король». Желающих почитать всегда было хоть отбавляй, поэтому распределяли время и читали по очереди. Эту любовь к книгам Лилия переняла от бабушки и пронесла через всю жизнь. Русская литература, зарубежная классика на русском языке сопровождали ее всегда, она много и очень охотно читала, переносясь в этот сказочный мир подводного царства или фантастические приключения в космическом пространстве. Любила и романы, представляя себя участницей событий в «Анжелике и короле». Читала и перечитывала стихи Пушкина, Лермонтова и многих других классиков. Вольно или невольно она возвращалась к воспоминаниям о своем детстве, девичьем возрасте, и очень много теплых воспоминаний было связано именно с домом бабушки и дедушки.

«Лилька, вокруг вас такая аура!»

Внешне, для окружающих (как считали Вадим и Лилия), в их отношениях ничего не изменилось. Вадим приходил к Лилии на работу, где они, быстро обсудив служебные вопросы, могли какое-то время провести рядом, просто поговорить на самые разные темы, смотреть и насмотреться друг на друга на следующие несколько дней. Только подруга Лилии Женька все замечала, сидя за своей кассой, говорила ей по секрету: «Лилька, когда вы вместе, я вижу вокруг вас обоих такую ауру, которая присуща только влюбленным людям». Один-два раза в месяц они встречались на квартире деда Горошникова, где были только вдвоем, только друг для друга. Договариваясь заранее за несколько дней, оба ждали этого события с нетерпением. Само ожидание встречи было каким-то сладостным предвкушением, ощущением предстоящего праздника. Даже мысли о том, что они через три, два дня, через день встретятся, наполняли жизнь дополнительным смыслом, радостью и благоденствием. И вот, наконец, этот момент встречи наступал. Раздавался звонок в дверь, Вадим отворял, и на пороге была она, его любимая, родная, долгожданная Малышня. Прежде чем помочь ей снять верхнюю одежду, Вадим заключал ее в объятия, плотно прижимал к себе, и они так оставались несколько секунд стоять, не говоря друг другу ни слова. Только насладившись первым моментом от встречи, моментом безмятежной радости и праздничного настроения, взяв ее лицо в свои руки, нежно поцеловав в губы, Вадим помогал своей любимой снять верхнюю одежду.

А уже через час они сидели за столом и пили тот самый растворимый индийский кофе. Оба с раскрасневшимися, довольными лицами и счастливыми глазами. Пребывая в этом блаженном состоянии, Лилии совсем не хотелось выходить из него, говорить о неприятных вещах, но она считала важным для себя и для Вадима рассказать ему о возможном предстоящем выезде с семьей на постоянное место жительства в Германию, о том, что она подала документы в ОВИР Министерства внутренних дел Республики Казахстан, и они ждут решения. Ответ может прийти через года полтора-два. Проговорив это вслух, Лилия услышала себя сама еще раз, и до нее как-то стало доходить, что выезд в Федеративную Республику Германию может означать для нее никогда больше не увидеть Вадима. Ей стало страшно, как же так? Закончив говорить, она ждала реакции Вадима, не просто реакции, а определенной, по ее мнению, единственно правильной в этой ситуации. В этот самый момент у нее в голове крутилась песня Ирины Аллегровой «Транзитный пассажир»:

Я так молила – позови,
Но ты молчал,
Я так молила – удержи,
Не удержал.
Я твой транзитный пассажир,
Меня, увы, никто не ждал,
Ты был транзитный мой вокзал.

Вадим внимательно выслушал, став серьезным, изменился в лице, погрузился. Конечно, готового решения у него не было. Не только у него. На данный момент такого выхода из ситуации, который бы устраивал все стороны, просто не существовало. «Дорогая, любимая моя, хорошая моя, это отведенное нам время, до того, как документы будут оформлены, мы должны использовать, чтобы определиться с нашим с тобой будущим. Если бы мы были только с тобой вдвоем, решение было бы простым и очевидным. Но у нас у обоих есть обязательства, в первую очередь перед нашими детьми, какое будущее мы можем им обеспечить? Что их ждет через пять лет в Степаногорске? Останется что-то еще от города? Давай будем вместе думать, какие

пути выхода из создавшейся ситуации у нас имеются. А пока давай будем радоваться тому, что нам уже дано, что у меня есть ты, а у тебя я. Что мы любим друг друга и можем быть вместе, хотя бы не так часто, как хотелось бы». Разум подсказывал Лилии, что Вадим прав, но ей так хотелось бы, чтобы Вадим ее «позвал и удержал». Это было бы, как в песне, красиво, но жизнь не всегда песня, а любовь не всегда радость и наслаждение, а еще и тяжелый труд, а также длинный путь, в начале которого они оба находились.

За что Лилия любила Степаногорск?

Что касалось самого города Степаногорска, Лилия его очень любила. Она знала его новым, белокаменным, зеленым, цветущим и молодежным, с кинотеатрами, стадионом, театром, Дворцом пионеров. И могла бы долго хвалить этот город и говорить о нем на одном дыхании. Дух прошлых лет присутствует и сейчас повсюду! Та же зелень, те же качели-карусели, лавочки особенные степаногорские, все выкрашено, кругом чистота и порядок. Степаногорск мы любили не за «московское снабжение», а за первый звонок, первую учительницу, первую прочитанную книжку, первых друзей, первые свидания, первую влюбленность. За потрясающую природу, ковыль в степях, сурков, стоящих столбиками и наблюдавших за проезжавшими автомобилями, цветы сон-травы, которые собирали с подружками, за игру в классики, резиночки, за самое вкусное в мире мороженое. Не за черную икру и американские джинсы, а за наши тополя, красную кору сосен в парке, букетики земляники (там же), за качели во дворе, за трех верблюдов там же, за то, что мы росли в этом городе, делали там свои первые успехи. В городе преподают прекрасные педагоги, рождаются дети, работают магазины, школы, аптеки, садики, больницы. Степаногорск и сейчас такой же очаровательный! Те же петунии, те же березы у школы, те же травы, те же листья, те же камешки, тропиночки. Сейчас кругом все стоит, все «заморозилось» не только в Степаногорске. Везде плохо и трудно, не так, как хотелось бы. В этом городе живут творческие, гостеприимные, общительные, одаренные люди. В 6 утра уже убирают и моют, метут и чистят. В Степаногорске отдыхаешь душой. Невозможно забыть этот город, он не отпускает, манит и ждет нас всегда. Степаногорск жив, вечен, пока мы его помним и любим. Те, кто судит по «снабжению» в нем и отсутствию мегамаркетов, стильных клубов и гламурных тусовок, не любил никогда этот город и обделен, беден духовно. Степаногорск не нуждается ни в защите, ни в любви – это мы без него не можем, это нам он нужен. В старых фотографиях, в чудесных воспоминаниях. Те, кто обожает наш город, не смотрят на то, что в песочницах нет песка, где-то стоят дома пустые, плохие дороги. Не в одном Степаногорске так! Но это единственный город на Земле, где мы бегали детьми, нас принимали в пионеры, мы ссорились и мирились, дрались и лазали по деревьям, заборам и свалкам разным, пили газировку по 3 копейки. Елки, утренники, стук посоха в дверь (Дед Мороз пришел!), морозные узоры на окнах, санки и коньки, ледяной городок в парке городском. Степаногорск с его алыми тюльпанами весной, шумом деревьев в парке, шампиньонами и груздями под землей, жаворонками высоко в небе невозможно не любить.

Как это возможно, что прекрасный город детства ей придется скоро покинуть. Оставить его навсегда. Сама эта мысль наводила на Лилию грусть и тоску. Свою дальнейшую жизнь она себе не могла представить без своего любимого человека – Вадима – и своего города детства Степаногорска. Слабым, но все-таки утешением являлся тот факт, что у них с Вадимом было еще от полутора до двух лет, чтобы найти решение.

Да ты, братец, ревнивец!

Вадим всегда считал, что он не ревнивый. Это, как он считал, порочное чувство ему было неведомо. Он никогда не ревновал жену к другим мужчинам. Тем удивительнее для него самого было обнаружить, что он, Вадим Захаров, не только не лишен этого крайне недостойного мужчины чувства (в чем он был абсолютно уверен!), но и в полной мере обладает им.

Ему хорошо запомнился этот день поздней весной 1993 года. Вадим вышел из дома и направился к кинотеатру «Айгуль». Светило солнышко, небо было чисто-голубым, снег растаял, и люди очень быстро адаптировались к первым повышениям температуры, сняли надоевшую за долгую зиму верхнюю одежду, шапки, шарфы и зимнюю обувь. Вадим шел и думал о своей любимой. На последней встрече у деда Горошеникова, когда они сидели за столом друг напротив друга и пили кофе, Лилия вдруг спросила: «Вадик, а ты спишь со своей женой?» Вопрос не был для него неожиданным, несмотря на то, что они оба по умолчанию никогда не касались темы интимной жизни со своими супругами. Поэтому он и ответил честно: «Да, сплю». Он не стал расспрашивать свою любимую дальше на эту тему. Но она сама посчитала нужным сообщить: «Я тоже». Больше чем за год знакомства Лилия и Вадим уже хорошо узнали друг друга, и когда они были вместе, то были только друг для друга и душой, и сердцем, и телом. В то же время как взрослые люди они понимали, что существуют еще и супружеские обязанности, пока они находятся в браке. Вроде бы это было обоим понятно, потому что они были взрослые.

Вадим шел, улыбаясь своим мыслям о любимой, родной, дорогой Малышне. Вдруг впереди, метрах в двадцати от него он увидел направлявшихся в ту же сторону, что и он, мужчину и женщину. Из тысяч женщин он бы ее сразу узнал: это была его Лилия, его Малышня. Одета в шерстяной костюм-двойку цвета бордо, состоящий из юбки миди с небольшим разрезом сзади и жакетика, в туфлях на каблуках выглядела она просто потрясающе! Рядом шел муж, и они о чем-то разговаривали. Совершенно спокойно, обыденно, привычно. Как будто его, Вадима, и не было на свете. И вот тут он почувствовал, что ревнует свою Малышню к ее собственному мужу! Ведь это он должен идти с ней рядом, держать за руку, смотреть на нее сколько хочет, гордиться тем, что это рядом с ним идет эта женщина, его женщина. А тут... он видит другого человека, который ее не может так любить, как он, Вадим! А она должна быть с ним рядом, потому что так сложилась жизнь. Настроение его сразу испортилось, он не мог больше смотреть на эту картину и намеренно свернул в сторону второго микрорайона, выбрав себе другой путь, а перед глазами у него еще долго стояла эта картина, вызывая не совсем приятные эмоции. Почему Вадиму так запомнился этот день и эта картина перед глазами? Потому что буквально на следующий день произошло еще одно важное событие, имеющее самое непосредственное отношение к нему, его семье, его любви в лице любимой женщины – его Малышни.

Спасибо за отличную работу. Вы уволены

Казалось бы, стабильность на его рабочем месте в Службе финансового контроля не может быть ничем и никогда нарушена. Вадим принадлежал к лучшим сотрудникам отдела, несмотря на не такой уж большой срок трудовой деятельности в г. Степногорске. Количество выявленных нарушений финансовой дисциплины было на его участке ответственности самым впечатляющим. Сумма возвращенных государству денежных средств в досудебных разбирательствах также была выше плановых показателей. Следует отметить и многочисленные благодарности от руководства городского отдела и областного финансового управления «За конкретные результаты работы», «За добросовестный труд», «К юбилейным датам отдела финансового контроля» – это далеко не полный перечень из записей в его трудовой книжке. Однако к весне 1993 года началась замена руководящих кадров ОФК, и, как следствие, потянулась цепочка сверху вниз.

Новое начальство под различными предлогами заменяло кадры на «своих» людей. Официально одной из причин смены кадров называлась «стабилизация кадрового состава с учетом знания казахского языка». Принятый в 1991 году Закон о статусе казахского языка как государственного внедрялся в деловую жизнь с большим трудом. Понятия быть лицом казахской национальности и знать казахский язык на уровне, чтобы вести на нем, например, деловую переписку, были очень далеки друг от друга. Руководство республики требовало отчетов по выполнению статей закона РК о языке. В городе же Степногорске исторически жили до 99 % русскоговорящих национальностей, поэтому найти кандидата на должность в акимате, в контролирующих органах, органах исполнительной власти низшего звена с достаточными знаниями казахского языка оказалось делом совсем не простым. Тем не менее, процесс был запущен.

В конце апреля 1993 года Вадима пригласил к себе в кабинет новый начальник Степногорского отдела финансового контроля и без предисловий объявил ему, что очень благодарен за хорошую работу, но вынужден уволить по причине незнания государственного языка. На его место уже рассматривается другой кандидат, отвечающий всем требованиям, предусмотренным законодательством Республики Казахстан. На сдачу всех дел отводится один месяц, что означало, с 1 июня текущего года он будет безработным. Выйдя от начальника, он направился к выходу, еще не осознавая, что произошло. Дойдя до ближайшего сквера, присел на скамью, чтобы собраться с мыслями. Вадим никогда еще не был безработным. Само слово казалось чужеродным, ему, выросшему в Советском Союзе, где была предусмотрена статья за тунеядство в Уголовном кодексе и всем гражданам страны гарантировались работа и заработная плата. Он сам еще никогда не сталкивался с жестокими проявлениями «рынка» или дикого капитализма, без правил, защиты и средств к существованию. Теперь столкнулся и не знал, что делать. Он был не из торгашей и не мог себя представить чем-либо торгующим... В голове проносилось слово «спекулянт», имеющее отрицательное значение в его понимании, являющееся синонимом слов «жулик», «обманщик», «хапуга».

Не откладывая в долгий ящик, Вадим начал на следующий же день искать работу на подведомственных ему предприятиях. Это были государственный подшипниковый завод, Управление целинного горно-химического комбината, горно-металлургический завод, химический завод, Степногорское управление строительства, объединение «Каззолото», акимат г. Степногорска и ряд более мелких предприятий и организаций, оставшихся еще от прежней четко работавшей системы инфраструктуры г. Степногорска. Типичные ответы на вопросы о возможном трудоустройстве были примерно такие: «Мне очень жаль, Вадим Николаевич, рады были бы помочь, но сами понимаете – мы сокращаем количество работников». Среди руководителей предприятий были и такие, которых Вадиму приходилось «поправлять» в области наведения порядка в финансовой дисциплине. Такие руководители не скрывали своего удо-

влетворения, что тот, кто приходил недавно как «власть», стоит теперь перед ним и просит устроить на работу. Ситуация просто омерзительная! Захарову приходилось переступать через свои «эго», гордость и смущение, ведя разговоры о возможном приеме на работу. Несмотря на то, что Вадим никогда не злоупотреблял своим служебным положением, представляя государственный контрольный орган, ни один из руководителей не испытывал особой радости от его посещения. Одним словом, представители фискальных органов, отвечающие за правильность поступления налогов в государственную казну, очень редко приходили, чтобы сообщить о возврате переплаченных налогов. Гораздо чаще речь шла о доплатах и немалых суммах. Отсюда и особая «любовь» к сотрудникам Отдела финансового контроля.

Шла уже четвертая неделя безуспешных поисков работы. Один отказ следовал за другим, как в устной, так и в письменной форме. Практически все доступные Захарову организации были посещены, опрошены, и от них уже были получены ответы – отрицательные. Оставались лишь несколько, которые еще не прислали своих отказов. Несмотря на то, что Вадим считал себя сильным и волевым человеком, данная ситуация с работой, вернее, с ее отсутствием, конечно, влияла на его настроение и состояние. Задавая себе вопросы: «Что делать? Как дальше быть?» – он не знал и не находил ответа. Все планы подлежали изменению. Наличие работы, а значит, и зарплаты являлось определенной гарантией при взгляде на будущее.

Отдушиной в череде негативных событий была его любовь, его любимая Малышня. Вадим старался не загружать Лилию своими или какими-то еще проблемами, жалея ее, считая, что проблемы есть у каждого, и они у каждого свои. Вместе с тем, на очередном свидании у деда Горошникова, незадолго до расставания, Вадим все-таки решил рассказать Лилии о своей ситуации. Ему захотелось поделиться с ней как с самым близким ему человеком, конечно, не требуя совета по возможному пути решения проблемы. Внимательно его выслушав, Малышня встала, обошла стол и, присев к нему на колени, крепко обняла его и прижалась головой к его груди, при этом повторяя: «Вадик, дорогой мой, любимый мой, ты преодолеешь и это испытание. Наша любовь поможет нам! Ты обязательно, слышишь, обязательно найдешь достойную работу, и все наладится. Не расстраивайся, пожалуйста». Эти тихо и нежно сказанные любимой женщиной слова произвели на Вадима магическое действие. Он моментально успокоился, как будто бы вера в его силы и способности со стороны Малышни передалась ему через ее дыхание, слова, руки и тело. Вадим крепко прижал к себе свою драгоценную и не хотел отпускать, так ему было хорошо, легко и светло на душе. Он действительно поверил, что решение найдется, и очень скоро. Вадим понятия не имел, каким оно может быть, но его решимость искать работу дальше только укрепилась. Мир вокруг больше не выглядел серым и почти враждебным. Он снова приобрел краски и все цвета радуги благодаря его возлюбленной.

День Победы – самый любимый праздник

Приближался главный праздник года – 9 Мая, 48-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Помня о том, как он впервые пришел к Лилии в аптеку, Вадим решил и в этот раз сделать ей сюрприз. Он купил такие же алые гвоздики, такое же количество – 5 штук – и заявился в аптеку без предупреждения. Мимо Лилиной подруги Женьки проскочить не удалось. Одновременно обслуживая клиентов, она умудрилась и Вадима поприветствовать, и сообщить, что «Лилия Александровна находится у заведующей, но скоро освободится. Вы можете пройти в ее кабинет и там подождать». Поблагодарив за оказанную заботу, Вадим под строгими и любопытными взглядами сотрудников аптеки пересек торговый зал, прошел в кабинет и, устроившись на стуле у окна, стал ждать, когда придет Лилия Александровна (нужно было сохранять официальность...). Минут через 10 он услышал ее шаги за дверью и Женькин голос: «Лилия Александровна, вас ожидают в кабинете». Отворилась дверь, и вошла Она, которую Вадим пришел поздравить, которую ждал, сидя на стуле у окна. Ее только что бывшее таким серьезным лицо озарила лучезарная, светлая и такая красивая улыбка: «Здравствуйте, Вадим Николаевич! Какими судьбами мы удостоились чести видеть вас в нашем скромном заведении?» Вадим встал со стула и, подойдя вплотную к собеседнице, нарочито с пафосом проговорил заранее заготовленный «экспромт»: «Дорогая Лилия Александровна, за два года, прошедшие с нашей первой встречи с вами здесь, в аптеке, вы, к сожалению, так и не стали ветераном или Героем Советского Союза. Но эти цветы предназначены вам, моей любимой, единственной и неповторимой женщине». А вручая цветы, шепотом, наклоняясь к самому ее лицу, добавил: «Я тебя люблю, родная моя...» Глядя на Вадима снизу вверх своими голубыми, лучезарными глазами, она была тронута, что Вадим пришел ровно в тот же самый день, как и два года назад. Она ведь этот день тоже запомнила. Как хороший день в ее жизни. «Спасибо, мой дорогой, хороший, любимый», – прошептала она и пригласила гостя присесть.

На столе появились чай, печенье и варенье. Темы для беседы находились всегда, им обоим было интересно разговаривать друг с другом, всегда не хватало времени. Это можно сравнить с жаждой, когда человек пьет и не может напиться, полагая, что такой возможности может больше не быть или в лучшем случае она появится не скоро. Прощаясь, Вадим взял Лилию за руку, другой рукой нежно погладил ее по тыльной стороне ладошки и тихонько проговорил: «До свидания!» «До свидания!» – ответила она. При этом оба понимали прекрасный, новый, открытый ими для себя смысл этого слова.

Работа в Москве: это возможно?

Подходила к завершению четвертая неделя, отведенная Вадиму на поиск работы. Никаких даже малейших признаков найти работу в Степаногорске не просматривалось. В одном из телефонных разговоров со своим другом детства Сергеем, живущим в Москве и являвшимся владельцем торгово-туристической фирмы, Вадим поделился своей ситуацией. Тот предложил ему приехать в Москву, чтобы на месте обсудить возникшую проблему, коротко описав, что он планирует развитие нового направления деятельности и ему нужен будет начальник отдела. Так и договорились, что Вадим прибудет в Москву уже через неделю, сразу после майских праздников на собеседование.

О своей попытке найти работу в Москве он по телефону рассказал Лилии, а уже на следующий день они встретились у бабушки, где смогли подробно поговорить на эту тему. Вопросов было больше, чем ответов. Продолжительность поездки планировалась примерно одна неделя. По результатам может быть два варианта: первый – Вадим принимает предложение Сергея и должен будет через какое-то время уехать в Москву один, без семьи, чтобы начать работать. Второй вариант – он возвращается обратно в Степаногорск и продолжает поиск работы в городе и близлежащих поселках.

Те два года быть вместе, на которые Вадим и Лилия рассчитывали, до ее выезда на постоянное место жительства в Германию, неожиданно сократились до нескольких месяцев, а может, и недель. Теперь уже по причине новых обстоятельств со стороны Вадима. Не желая расставаться с Вадимом даже на несколько дней, но желая своему любимому только добра, Лилия «благословила» его на поездку, пожелала удачи и скорейшего возвращения в Степаногорск. «Приезжай скорее! Не забывай меня! Как вернешься, позвони», – вымолвила она на прощание, уходя от бабушки. Вадиму тоже было тяжело и грустно. «Обязательно, дорогая! Это всего лишь одна неделя!» – сказал он ей вслед.

Лилия шла от бабушки пешком в аптеку на работу. У нее была вторая смена. Настроение отвратительное. Чувство, что эта поездка Вадима в Москву может являться началом конца их отношений, их любви, лишало ее способности думать рационально, что-то планировать, а как вообще быть, если им действительно придется расстаться? Прошедшие два года их знакомства, счастливых дней и часов, незабываемых встреч, разговоров, споров, наконец, планов быть вместе уйдут просто в прошлое, в светлые приятные воспоминания, и все? Так не должно быть! Так не может быть! Это несправедливо! Это слишком жестоко! А что останется? Так, накручивая себя в описании наихудшего сценария, Лилия подходила к аптеке. Нужно было взять себя в руки, ведь впереди новый рабочий день, до 22:00 часов. Никто не должен заметить, как ей плохо. Она замедлила шаги, посмотрела вокруг, на торговый центр «Сибирь» – люди массово входили и выходили с какими-то покупками. Для собственной поддержки ей хотелось увидеть хотя бы одно счастливое и радостное лицо, которому было бы не так плохо, как ей. Задача оказалась не из легких. Кругом были лишь хмурые, озабоченные, обремененные своими проблемами физиономии.

«Помощь» пришла с неожиданной стороны: «Тетя Лиля, здравствуйте!» – окликнул кто-то сзади. Она обернулась и увидела соседскую девочку Розу, которой было лет 12. «Здравствуй, Розочка!» – ответила Лилия, по-настоящему обрадовавшись, глядя на улыбающуюся красноречивую соседку. «Мама и я хотели вас поблагодарить, то лекарство, которое вы нам посоветовали, поставило маму на ноги. Она уже вышла на работу и чувствует себя очень хорошо! Спасибо вам огромное!» Фирменным ответом на благодарность пациентов в аптеке было у Лилии: «На здоровье!» Вот и в этот раз она пожелала маме своей встретившейся маленькой соседке здоровья. Девочка не стала задерживаться и, попрощавшись, почти вприпрыжку продолжила

свой путь. Лилия посмотрела ей вслед, улыбнулась и вошла в аптеку. Начинался новый рабочий день.

Москва. Другая. Воспоминания и впечатления

Друг Сергей встретил Вадима в аэропорту, привез его и поселил на все время пребывания в двухкомнатной квартире в подмосковных Химках, где находилась и его фирма. Договорились встретиться на следующий день непосредственно в офисе. Вадим решил немного осмотреться и прогуляться по Москве. Куда же еще идти, если ты первый раз в Москве или после большого перерыва, – конечно, на Красную площадь. Последний раз он был в Москве еще школьником, в восьмом классе. Активно занимаясь спортом и выиграв первенство Казахской ССР по борьбе дзю-до среди юношей, Вадим был зачислен в основной состав сборной Казахстана для участия во всесоюзных соревнованиях. В Советском Союзе была традиция, на взгляд Вадима, очень красивая и имевшая большое воспитательное значение. Все самолеты перед посадкой в одном из аэропортов г. Москвы должны были сделать круг над городом для того, чтобы пассажиры на борту могли насладиться видом в иллюминатор, насколько красивым городом является столица. В это время по радио на борту самолета транслировался текст, озвученный голосом, очень похожим на голос диктора «Совинформбюро» Юрия Левитана: «Уважаемые пассажиры! Через несколько минут наш самолет произведет посадку в столице Союза Советских Социалистических Республик, городе-герое Москве! Москва является одним из крупнейших промышленных центров мира...» – и далее шла информация о промышленном, научном, культурном потенциале столицы, олицетворявшем всю мощь, величие и красоту Советского Союза. Впервые слушая эти слова, хотелось встать со своего кресла и вытянуться по стойке смирно, такая гордость наполняла сердца большинства пассажиров!

Обмениваясь впечатлениями со своими товарищами – другими членами команды сборной Казахстана, – он пришел к выводу, что аналогичное желание и впечатления были и у всех других. Вот так он и попал вместе с другими членами команды в Москву, используя возможность пребывания в столице в течение нескольких часов, посетил впервые в жизни Красную площадь и Музей В. И. Ленина. Красная площадь за истекшие 15 лет практически не изменилась. Тот же собор Василия Блаженного, мавзолей В. И. Ленина, с той лишь разницей, что нескончаемого потока желающих посетить мавзолей больше не было. Музей В. И. Ленина был переименован в Государственный исторический музей. Два памятника великим людям, известным Вадиму по учебникам истории, стояли также на своих местах: памятник Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову и гражданину Минину и князю Пожарскому. Лобное место, где был казнен бунтарь Емельян Пугачев, также находилось на своем месте. Главная Башня страны – Спасская с кремлевскими курантами и рубиновой звездой, – как и прежде, величественно возвышалась над всей Красной площадью.

Закончив осмотр, Вадим услышал звучащее из мегафона приглашение на экскурсию. Он подошел поближе – экскурсия была на могилу Владимира Семеновича Высоцкого. Являясь большим поклонником его творчества, Вадим приобрел билет и на небольшом автобусе был доставлен к нужному монументу на Ваганьковском кладбище. К его удивлению, возле памятника было очень много народу.

Вадим помнил точную дату смерти Владимира Семеновича: 25 июля 1980 года. Он в это время еще учился в Томском политехническом институте. Перейдя на третий курс, во время летних каникул находился в студенческом строительном отряде в глухой тайге, где студенты помогали строить узкоколейную железную дорогу для вывоза спиленного леса из тайги в поселок лесорубов. Связи с внешним миром почти не было: ни телевизора, ни радио. Что такое интернет, станет известно примерно двадцать лет спустя. Единственный радиоприемник был в рабочей столовой, где студенты в течение завтрака – примерно полчаса – могли послушать, что происходит в мире.

О смерти В. С. Высоцкого пришло сообщение 26 июля 1980 года. Реакция студентов и рабочих – лесорубов, точные названия специальностей которых звучали немного загадочно и смешно: трелевщики и чекеровщики, – была едина: все были расстроены данной новостью. Лесорубы сразу нашли данное трагическое сообщение законным поводом выпить за завтраком дополнительно по 150 г водки за упокой души великого поэта и артиста. Даже строгие повара не смели сказать что-то против, потому что тоже считали, что помянуть артиста нужно здесь и сейчас, при этом принесли лесорубам с десятков котлет и огромную тарелку картофельного пюре, проявив тем самым материнскую заботу о рабочих, которым предстоял еще девятичасовой рабочий день.

Каждый, даже в глухой сибирской тайге, знал Высоцкого, любил и уважал его творчество. Его песни пелись по вечерам под гитару и давали очень много поводов для продолжения размышлений о жизни, о войне, о дружбе и любви. Почти каждый знал хотя бы одну песню или несколько куплетов из нее. Все эти мысли пронесли в голове Вадима в то время, как он рассматривал памятник Владимиру Семеновичу, слушая здесь же читавшиеся стихотворения московских поэтов, посвященные его памяти. Сам памятник выполнен из позолоченной бронзы, поэт запечатлен в полный рост, вырывающийся из огня, преодолевая сопротивление обволакивающей его фигуру смиренной рубашки, при этом не расставаясь с неизменной гитарой за плечами. На взгляд Вадима – образ, созданный скульптором Александром Рукавишниковым, очень точно, емко и сдержанно передал непростую жизнь и борьбу поэта за право выражать свои мысли и образы в песнях, стихотворениях, театральных и киноролях.

Первый день пребывания в Москве подходил к концу. Вадим возвратился на квартиру, под впечатлением от Москвы, Красной площади и, конечно, от посещения могилы Владимира Семеновича Высоцкого. После тихого и маленького казахстанского Степаногорска Москва произвела на него двойственное впечатление: суэта, пробки, ларьки – даже в самом центре столицы выглядевшие удручающе. Везде спонтанные базары, базарчики, лоточники. Торговля велась повсюду. Создавалось впечатление, что ничего больше не производилось, только продавалось и покупалось. А откуда бралось?

Ответов он все равно не знал, поэтому не стал развивать мысль дальше, а переключился на другую тему: нужно было ответить самому себе: зачем ты сюда приехал, чего ожидаешь от Москвы, от своей новой работы (еще не факт, что ты ее получишь)? Твоя семья осталась в Казахстане. Любовь тоже. Что дальше? Допустим, ты получишь эту работу. Накопишь денег и перевезешь сюда семью: жену и двоих своих деток, Любашу и Танюшу. Сможешь ли ты дальше жить с женой? Будет ли это честно? Ты должен будешь каждый день смотреть ей в глаза, и взгляд твой будет пустой, потому что в нем нет любви. Сколько ты сможешь выдержать? А сколько сможет выдержать жена Наталья? А ведь она не может не чувствовать те изменения, которые в тебе произошли с тех пор, как ты повстречал свою настоящую любовь. Ведь прошло уже два года. Извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» добрались и до тебя, Вадим Николаевич! На них нужны ответы: их можешь дать только ты. А так хотелось бы на кого-нибудь свалить ответственность, поступив так или иначе, оправдывая тем, что ты тут ни при чем...

Пришлось быстро прогнать эти сумбурные мысли, чтобы сконцентрироваться на главном: все по порядку, завтра состоится разговор с Сергеем, от его исхода будет зависеть и выбранное решение, сроки и пути его осуществления.

Предложение работы. Решение

Сергей был очень конкретным человеком. Пригласив Вадима к себе в кабинет и попросив секретаршу приготовить чай, он спросил: «Вадик, как устроился-то? Как тебе Москва?» Вадим рассказал о своих первых впечатлениях от увиденного и услышанного. Поговорив на отвлеченные темы, вспомнив общих друзей, одноклассников – кто чем занимается, – перешли к сущности вопроса. «Вадим, я тебе опишу состояние дел у меня на фирме, планы на ближайшее будущее, новое направление бизнеса, для чего мне и нужен будет начальник отдела. Твоя задача – осмотреться за неделю, постараться понять, как все работает, попытаться представить себе, каким должен быть новый отдел торговли, что должен делать начальник отдела. Вопросы будут – обращайся в любое время ко мне или к любому сотруднику, я тебя им представлю. В конце недели жду твоего решения по двум вопросам: видишь ли ты себя как организатор и руководитель нового торгового отдела, и если да, то когда можешь начать принимать дела». На том и расстались.

Служба финансового контроля и торговля имели не слишком много общего. Если в документации Вадим мог бы быстро разобраться, то к практической реализации самого процесса покупки товара, ценообразования, продаж, организации торговых точек, устройства и оформления персонала было множество вопросов. Ответы на них получались от других сотрудников, занимавшихся аналогичной деятельностью, или от Сергея, который охотно помогал Вадиму понять процессы уже действующего бизнеса. К концу недели картина для Вадима выглядела более понятной. Он мог себя представить в роли начальника торгового отдела с соответствующими правами и обязанностями. Особенно вначале речь шла в первую очередь о контактах со множеством должностных лиц, потенциальных сотрудников – продавцов, доставщиков, т. е. об организации работоспособной коммерческо-логистической структуры. Разговор с Сергеем не занял много времени. Вадим изложил свои соображения, отметив, что может себя представить в роли начальника торгового отдела, к работе приступить примерно через месяц, который нужен для улаживания дел в Степаногорске. Сергей был ответом удовлетворен, добавив, что квартира, где он в этот раз остановился, в распоряжении Вадима на первое время, затем видно будет.

Билетов на самолет «Москва – Акмола» было не достать. В авиационном сообщении происходили аналогичные процессы, что и в странах бывшего Советского Союза в целом. Рейсов было мало, летали нерегулярно, четко не были определены зоны ответственности государства и частных авиационных компаний. Купить самолет и начать возить пассажиров мог каждый, у кого появились деньги. Самолеты покупались подешевле, а конкретно – с авиационных кладбищ в Соединенных Штатах Америки, самым большим из которых было Дэвис-Монтен в штате Аризона. Где и как они приводились в порядок, что за запасные части на них устанавливались, кто осуществлял приемку и допуск к эксплуатации оставалось «коммерческой тайной». «Может, и хорошо, что нет авиабилетов», – решил Вадим, совершенно по этому поводу не расстроившись.

Время подумать. В поезде «Москва – Акмола»

На скорый поезд «Москва – Акмола» были места только в плацкартном вагоне. Время в пути – более двух с половиной суток. Долго. Но делать нечего, нужно запастись терпением, купить в дорогу что-нибудь поесть, пару бутылок воды – и в путь. Длительность поездки его не пугала. Сначала школьником, а затем студентом ему приходилось очень много колесить по просторам нашей необъятной Родины – Союза Советских Социалистических Республик. Расстелив полученное от проводника постельное белье и поместив чемодан с вещами на верхнюю полку для багажа, Вадим занял место на верхней полке. Он даже немного радовался тому, что может три дня обладать только правами, а не обязанностями. Правом думать, представлять, планировать и, наконец, мечтать о будущем. Он перевернулся на живот и начал смотреть в окно, как это любил делать в детстве.

Поезд еще не выехал из Москвы, шел не торопясь, слегка покачиваясь, издавая такой уже давно забытый перестук колесных пар на стыках рельсов. Даже через закрытые окна в вагон проникали звуки города: шум автомобильных моторов во время движения под мостами, резко начинавшийся и так же неожиданно обрывавшийся звук встречного поезда, несущего впереди себя волну воздуха и шума. И, конечно, солнце, ласково заглядывающее в окно, если поезд разворачивался в соответствующую сторону. Чем дальше удалялся поезд от центра, тем реже становилась застройка домами и другими постройками, больше места было свободного, засаженного деревьями, засеянного травой, чередующегося с заборами различной конструкции от бетонных до металлических, выполненных из стальных прутьев, состояние которых было уже «на пределе». Требовался ремонт, как минимум частичная замена или покраска. Гораздо мудрее было продумано, где вместо заборов была просто лесополоса, плотно стоящие друг к другу деревья скрывали неприглядную картину, не требуя особенного ухода за собой.

Три часа пролетели незаметно, проводник объявила, что поезд подходит к станции Рязань-1, стоянка 12 минут. Вадим решил воспользоваться возможностью размять ноги, выйдя на перрон вокзала. Здание вокзала и площадь перед ним показались ему довольно ухоженными. На фоне общей ситуации с переходом на рыночную экономику никто не считал нужным или не чувствовал себя обязанным поддерживать имеющуюся инфраструктуру в надлежащем состоянии. То, что должно было быть давно отремонтировано, стояло «не тронутым». Вокзал же выглядел свежевыкрашенным в светло бежевый цвет. Это были два симметрично расположенных здания, соединенные застекленной галереей посередине.

Вернувшись на перрон, Вадим увидел маленький импровизированный базарчик: четыре женщины продавали проезжающим пассажирам жареные пирожки с зеленым луком и яйцом, отварную картошку, которую при передаче клиенту щедро посыпали зеленым укропом и давали входящие в комплект два соленых огурца. За отдельную небольшую доплату можно было купить еще дополнительно кислой капусты. Наверное, скорее ностальгические воспоминания из прошлого, чем реальное чувство голода побудило его купить порцию картошки с огурцами. Будучи школьником, он перед поездками на поезде с удовольствием ожидал этого момента, когда можно будет выйти из вагона и купить подаваемую на вырванном из тетради листе бумаги дымящуюся картошечку, как будто бы посыпанную сахарной пудрой, приправленную мелко нарезанным укропчиком и с огурцами... А если повезет, то иногда сверху картошечка поливалась ложечкой масла с жареным луком. В дороге все было вкуснее. Вернувшись в свой вагон, Вадим занял место у столика, присев на нижнюю полку, предложил пассажирам с нижних полок отведать картошечки, на что они, поблагодарив, ответили отказом. Справившись с едой, он поднялся к себе на верхнюю полку, лег на спину и, заложив руки за голову, вернулся к мыслям, которые его не оставляли вот уже несколько месяцев.

Результат его поездки в Москву был положительным. Сергей предложил ему работу, оказав поддержку в сложный для Вадима момент. С работой он справится. Переезд же в Москву означал для него не просто смену места жительства, обстановки, окружения, но и болезненное расставание с его любимой женщиной, с его Малышней. Он представил себе снова, как они расстались перед его поездкой и ее такие искренние и теплые слова: «Приезжай скорее, не забывай меня», – в этих им таких любимых голубых глазах было столько нежности и грусти...

И вот он ехал в поезде. Возвращался в Степаногорск. Он должен будет ей сообщить о своем решении какое-то время поработать в Москве. Он в Москве – Лилия в Степаногорске, на расстоянии трех тысяч километров, ожидающая вызова на постоянное место жительства в Федеративную Республику Германию. Еще совсем недавно казавшееся таким незыблемым счастье их бескорыстной любви ждали на первый взгляд непреодолимые испытания. Теперь уже разные страны – Российская Федерация и Республика Казахстан, хотя и ближе, но зарубежье со своими законами, документооборотом и даже «языковым барьером».

Три тысячи километров даже для любящих друг друга являются почти непреодолимым барьером. Значит, нельзя встречаться, видеть друг друга, общаться и, наконец, просто прикасаться друг к другу. Можно приехать один-два раза, а что потом? А если документы на выезд в Германию придут тоже раньше, не через полтора года, а уже через месяц? Ведь пришло его, Вадима, увольнение неожиданно и сразу, без предупреждения. Лилия с семьей уедет в Германию. Вадим с семьей переедет в Москву, и обе семьи проживут счастливо, каждая своей жизнью, как это было до встречи Лилии с Вадимом в центральной аптеке г. Степаногорска два года назад. Будет ли эта жизнь отличаться от той, прежней, до встречи? И что, останется только вспоминать о тех светлых днях их взаимной любви? Он должен будет каждый день приходить домой и делать вид, что все в порядке. Может быть, погрузившись в работу, постарается забыть свою любимую – ее голубые глаза, голос, волосы и нежные руки. Забыть ожидания встречи с ней, сами долгожданные свидания, когда они принадлежали только друг другу, ничего и никого вокруг больше не существовало.

А что же Лилия? Его Малышня будет привыкать к новой стране – Германии. Учить язык, искать работу, заботиться о детях. Даже думать о том, что она должна будет еще и заботиться о муже, Вадиму не хотелось. Как это так, что муж будет рядом с ней, с его золотой, любимой женщиной? Накрутив себя таким образом путем представления себе возможного развития ситуации, Вадим попытался вообразить себе какой-то другой выход, в котором всем сторонам было бы хорошо. Такого развития событий он не видел, даже отвлеченно, теоретически. Решив, что дальше думать на эту тему одному ни к чему не приведет, Вадим попытался отвлечься, представляя себе свою встречу с любимой по прибытии в Степаногорск. Ему сразу стало легче. Все не так плохо. А препятствия на пути к счастью для того и существуют, чтобы их преодолевать. Вместе двум любящим сердцам не страшны никакие сложности или удары судьбы. Это так, если касается героев в книгах или в кино или речь идет о ком-то другом. Ты точно представляешь себе, что такое для них удар судьбы, где начинаются и заканчиваются испытания расставанием, разлукой, непониманием или потерей доверия. Ты точно знаешь, что, будучи на их месте, поступил был вот таким образом, то есть правильно. Само собой разумеется, ты знаешь также, как преодолеть испытания или достойно выдержать удары судьбы.

Теперь ты, Вадим, сам оказался в самой гуще стремительно развивающихся событий, целого ряда быстро сменяющихся друг друга обстоятельств, и решение должен принимать ты сам, за себя и за других, зависящих от тебя людей и ожидающих конкретных шагов. Решение должно быть правильным, максимально приемлемым для всех родных и близких, не приносящим другим страданий. Такого рода мысли приходили Вадиму вновь и вновь, при этом он каждый раз склонялся к тому, чтобы обсудить их по прибытии в Степаногорск со своей Малышней. Чтобы немного отвлечься от таких тяжелых мыслей, Вадим попытался переключиться на то обилие новой для него информации, которую он получил в Москве за эту неделю.

Все важнейшие события были или в Москве, или вокруг нее или, по меньшей мере, связаны с нею и только затем распространялись по стране далее, долетая до ближнего, а затем и дальнего зарубежья.

Важность данных событий большинство людей не понимали, особенно в той части, как это скажется на их повседневной жизни. В январе 1993 года на территории России вступил в действие закон о въезде и выезде, который был принят в СССР в 1991 году, но так и не реализован. Граждане России получили возможность свободно выезжать за рубеж. Как этот закон касается его, Вадима Захарова? И вообще, он гражданин какого государства? У него в кармане паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик. Живет в Республике Казахстан, работать будет в Российской Федерации. Ему сразу же припомнились школьные годы, 5 класс. Начало изучения иностранных языков. Классным руководителем была учительница немецкой национальности, преподававшая немецкий язык. Просто вышла к доске, провела ладонью в воздухе, отсчитав половину класса, и объявила: «Все, кто справа от меня, учат немецкий, кто слева – английский». Почему никто не возмутился? Почему все согласились с ее решением? Потому что даже пятиклашкам было тогда понятно: что с английским, что с немецким языком ты никогда не попадешь за границу, потому что ты не ребенок дипломата или разведчика (шпионы – это «ихние» буржуинские, плохие. Наши – разведчики). Тем не менее, ни у кого не возникали мысли, что учить не нужно.

Вадим стал дальше размышлять: а что с казахским языком? Ведь казахский был в школьной программе начиная со второго класса и должен был преподаваться до девятого. С ним было еще менее понятно, зачем его нужно было учить, если в Казахстане государственный язык русский и в школе, где учился Вадим, из 1000 учащихся было 3 школьника казахской национальности. Внезапно ему пришла в голову мысль: «А ты же выехал за рубеж, из России в Казахстан. Вот и побывал за границей. Пригодился тебе иностранный язык? То знание, что теперь все 15 советских республик являются заграницей, не делало людей счастливее, принося множество дополнительных проблем в быту, предпринимательстве, правоохранительной системе. Вадиму стало смешно: «Вот учил бы в школе тогда добросовестно казахский язык, тебя бы не выгнали с работы сегодня за незнание государственного языка. Так что учение – свет, неучение – тьма. А еще лучше: знание – сила». Но пришло на ум «утешение»: «Все равно бы выгнали, так что ничего страшного, что недостаточно прилежно учил».

Другим немаловажным событием 1993 года в жизни бывших граждан Советского Союза было завершение показа по телевидению телесериала «Санта-Барбара». После более чем десятилетнего марафона было объявлено, что 15 января 1993 года вышла заключительная 2137 серия. Так называемая «мыльная опера» годами приковывала к телеэкранам десятки миллионов зрителей самых разных возрастов, которые, тяжело вздыхая, иногда пуская слезу вместе с героями на экране, могли на один час в день отвлечься от своих повседневных проблем и забот, жалея, например, серий двести якобы прикованного к постели Сиси, делающего вид, что он вот-вот умрет, но на самом деле слушавшего, что происходит вокруг него, и решавшего, как это повлияет на оставляемое им наследство для потомков и родственников. Гениально. Скорее всего, государство, не желая того, получило бесплатный инструмент воздействия на народные массы, резко снижающий напряженность в обществе. Жалость и сопереживание несчастным героям сериала были столь высоки, что все свои собственные проблемы казались не такими уж страшными и нерешаемыми.

Первая половина года подходила к концу, продолжая нести с собой распространявшиеся затем на десятилетия вперед перемены. Учреждение РАО «Газпром», образование нефтяной компании «ЮКОС», основание компании «NVIDIA» в Соединенных Штатах Америки, со специализацией на разработке и производстве тогда еще мало кому понятных микрочипов, способных зачем-то выполнять миллионы операций в секунду. Еще более динамичной была политическая сфера деятельности. Война в Европе не была уже к тому времени чем-то необычным.

Так, например, армией Хорватии проведена операция против вооруженных сил Республики Сербская Краина, направленная на отвоевывание ранее взятых под контроль сербами территорий к северу от города Задар. Последствия этой операции будут еще много лет напоминать людям о настоящей войне с разрушенными домами, выбитыми окнами, пробитыми снарядами и пулями стенами, заборами и воротами.

«Примета новых времен»

Оставив позади последние станции: Есиль, Жаксы, Атбасар, Мариновку и Джалтыр, – скорый поезд через двое с половиной суток прибыл в Акмолу. Находясь еще в Москве, Вадим созвонился с водителем отдела финансового контроля Сергеем, с которым они успели подружиться, попросив довезти его из аэропорта Акмолы в Степаногорск. Так как Сергей два-три раза в неделю совершал рейсы в Акмолу и обратно, перевоза документацию, он охотно согласился помочь Вадиму. До условленного времени прибытия Сергея оставалось еще полчаса. Выйдя из вагона поезда, Вадим не мог справиться с желанием позвонить сразу же своей Малышне. По его расчетам, у нее должна быть вторая смена.

Проверив три телефонные будки на привокзальной площади, он обнаружил, что во всех трех трубки были вырваны вместе с кабелем. «Примета новых времен», – проговорил он тихонько, начиная сердиться, что его желанию услышать любимый голос по телефону, может быть, не суждено сбыться. Продолжая поиски, обойдя здание вокзала с другой стороны, выйдя на перрон, он все-таки обнаружил телефон-автомат, где все части были на месте, а из снятой трубки раздался длинный гудок. «Вот так теперь делают людей счастливыми!» Забросив монетку в автомат, он набрал номер Лилии и стал ждать. Поймал себя на мысли, что волнуется, уже прошел один гудок, два, три, четыре... никто не подходил к телефону. Может, он ошибся в расчетах? Может, не ее смена? Может... «Здравствуйте, Вадим Николаевич!» – раздался в трубке тот голос, который он бы узнал из миллиона других. Несколько опешив от такого приветствия, похожего на то, что Лилия видела его на другом конце провода, он не нашел ничего лучше, чем ответить: «Да, это я! Только что прибыл, еще на вокзале в Акмоле. Хотелось услышать твой голос. Как ты узнала, что это я? А если бы ошиблась?» «Ни за что. Я знала, что это ты звонишь, что мне нужно вернуться в мой кабинет. Как видишь, не ошиблась. И очень рада тому, милый мой, хороший, я жду тебя и очень соскучилась!» «Можем мы завтра увидеться? Во сколько ты могла бы прийти?» – спросил Вадим. «Если в 11 часов?» – предложила Лилия. «Хорошо, договорились». Вадим повесил трубку и направился обратно к привокзальной площади, где сразу же увидел Сергея, ожидавшего его возле уазика при въезде на перрон.

Погрузив чемодан на заднее сиденье, они отправились в дорогу. «Как дела, Сережа?» – спросил Вадим и понял, что Сергею необходимо выговориться. «В отделе все по-другому. Другие люди, другие порядки, другое настроение. Такое впечатление, что и работа по выявлению финансовых нарушений идет тоже в другую сторону. Ходят слухи, что отдел скоро полностью расформируют. Нет отдела – нет нарушений», – грустно пошутил Сергей и еще долго рассказывал Вадиму о тех, на его взгляд, негативных изменениях, происходящих в ОФК, зная, что от Вадима информация дальше никому не будет передана. «Вадим Николаевич, а как Москва?» – поинтересовался Сергей, немного облегчив душу.

Первое, что спонтанно пришло Вадиму на ум как ответ одним словом, было выражение Н. М. Карамзина – величайшего русского историографа: «Воруют». Несмотря на историческую справедливость такого описания страны в текущий момент, Вадим ответил по-другому: «Москва бурлит. В столице неспокойно, пахнет порохом». Не желая больше говорить только о грустном, он рассказал Сергею о своей поездке на могилу Высоцкого, десятках людей, которые вот уже тринадцать лет подряд приходят к актеру и поэту с цветами на Ваганьковское кладбище, выражая тем самым свою любовь к его творчеству, уважение к его неординарной личности и почтение к его творческому наследию. Никакие происходящие в стране события не изменили отношения большинства людей к его творчеству, стоящему над всеми переменами, объединяющему людей, теперь уже живущих в разных странах – бывших союзных республиках.

Сергей слушал не перебивая. Дослушав до конца речь пассажира, он, улыбнувшись, молча нажал кнопку «Play» на встроенном магнитофоне, и из обоих динамиков громко понеслась мелодия: «Вдох глубокий, руки шире, не спешите, три-четыре. Выполняйте правильно движения! Прочь влияние извне, привыкайте к новизне, вдох глубокий до изне-можения!» Такая реакция Сергея была неожиданной для Вадима, он не подозревал, что тот также может бесконечно слушать песни Высоцкого, наслаждаясь мастерством стихосложения, погружаясь с героями песен в их мир: высоко в горы, глубоко в шахту, в окопы во время Великой Отечественной войны или перемещаясь в Париж с возлюбленной.

Каждая песня – маленький фильм, проигрывающийся перед глазами во время ее исполнения. Два с половиной часа в дороге до Степаногорска пролетели незаметно. Сергей подвез Вадима к дому, помог выгрузить чемодан и, сказав на прощание: «Вадим Николаевич, нужна будет помощь, обращайтесь», – отбыл в сторону финансового отдела. Вадим посмотрел на входную дверь в подъезд своего дома. Он отсутствовал всего неделю, но ему казалось, что целую вечность. Любимые детки Любаша и Танюша ждали его приезда и, конечно, будут радоваться его возвращению. А что же жена Наталья? Вадим в очередной раз поймал себя на мысли, что ему не хотелось ее видеть. Потому что он ее (больше) не любил. Но должен быть рядом. За прошедшую неделю он совсем не соскучился. Поднял чемодан и вошел в подъезд.

«Ты в Москву. Я в Германию?»

На следующий день в половине одиннадцатого утра Вадим был уже «у бабушки». Осмотрел квартиру, не найдя каких-либо значимых изменений в кухне, ванной комнате, системе отопления, освещения и водоснабжения, поставил на плиту чайник, чтобы вскипятить воду для кофе, выставил на стол печенье, пряники, коробку конфет и вазу с вареньем.

Ровно в 11:00 раздался звонок в дверь. «Это она!» – пронеслось у него в голове. Отворив дверь, он увидел ее, о которой мечтал, не переставая думать и представлял их встречу после долгой разлуки. Да-да, эта неделя была очень долгой для него. Несмотря на насыщенность событиями, встречами, беседами, он мысленно постоянно возвращался к ней. И вот она стоит перед ним, смотрит, улыбаясь: «Здравствуй, мой хороший!» Вадим не удержался, выйдя на площадку, подхватил Лилию на руки и занес в квартиру. Только тут, закрыв дверь, он осторожно поставил ее снова на ноги, не отпуская из своих объятий, проговорил: «Здравствуй, моя родная, моя любимая, моя Малышня! Я ужасно по тебе соскучился!» «Ты моя обезьянка: ужасно – это же мое любимое слово, ты сам так говорил!» «Наверное, ты меня заразила. Теперь это и мое любимое слово». Им не хотелось выпускать друг друга из объятий. Это были тоже минуты счастья, когда ничего вокруг не существовало, были только они и только вдвоем. За два года они уже хорошо изучили друг друга, понимая с полуслова или вообще без слов.

Насладившись первыми впечатлениями и эмоциями от встречи, Вадим спросил: «Золотайка, кофе?» «Потом», – ответила его любимая. Он поцеловал ее в губы, подхватил на руки, не переставая покрывать ее лицо поцелуями, и перенес к их дивану. «Милый мой, хороший мой, любимый! Я так ждала тебя, я считала денечки, когда увижу тебя снова!» «Ты моя радость, мое счастье, родная моя», – повторял Вадим, скользя своими большими руками по волосам, спине, груди возлюбленной...

Они оба медленно возвращались в реальность, лежа на диване, обнявшись. Вставать совсем не хотелось. Насладившись объятиями и обоюдной нежностью, Вадим первый поднялся, чтобы приготовить кофе, в то время как его любимая приводила себя в порядок. «Дорогая, кофе в постель?» «Я мечтала бы об этом», – ответила Лилия, занимая свое привычное место за столом, где уже дымился ароматный кофе, распространяя неимоверно приятное благоухание на всю квартиру. «Мечты сбываются!» – оптимистично подхватил Вадим. «Расскажи, как ты съездил в Москву?» – наконец решилась спросить Лилия, понимая, что ответ в любом случае будет не совсем приятным. Невольно став сразу серьезным, Вадим начал рассказывать своей Малышне о поездке, стараясь передать главное: «Мой друг Сергей предложил мне работу на должности начальника торгового отдела в Москве. Отдела как такового пока не существует, его нужно будет сформировать, организовать и руководить им в последующем. Новое направление – реализация изделий из натурального меха и кожи. Основные партнеры – фирмы в Греции и Южной Корее. Жилье на первое время он предоставляет. Все дальнейшее зависит от развития направления. Я предложение принял, взяв один месяц на решение всех формальностей и домашних дел. С первого сентября я должен быть в Москве и приступить к работе. Уезжаю пока один, без семьи. Семья остается в Степаногорске. Но, конечно, я буду приезжать».

«К семье, – вырвалось у Лилии. – Вадик, а как же я? Неужели у нас с тобой все кончено? Я на тебя не сержусь, я тоже просто не знаю, что делать. Я хочу быть с тобой, каждый день, каждую минутку. Я хочу просыпаться с тобой и засыпать у тебя на груди. Я мечтаю об этом по ночам. Я не хочу прятаться от людей, когда мы с тобой встречаемся, а хочу гордиться тобой, что ты мой, мой любимый муж. Моему младшему брату пришел уже вызов в Германию. До конца года он уедет. Мне и родителям может тоже прийти в любой момент. Я решила, что с мужем не поеду, только с детьми. Подаю документы на развод еще здесь, в Степаногорске. Мой любимый, скажи же, что мы будем вместе!» «Мы будем вместе! Потому что я тебя люблю и

сделаю все, чтобы мы были вместе». Чтобы «закрепить» свои слова, Вадим встал, подошел к Лилии, припал на одно колено, взял ее правую руку в свою и, глядя в ее грустные голубые глаза, прижался щекой к ее руке и добавил: «Трудности мы преодолеем, потому что наша любовь сильнее. Она поможет нам набраться терпения, принять и воплотить в жизнь правильное решение». Лилия другой рукой провела нежно по его волосам, в глазах ее блеснули слезы: «Родной мой, любимый мой, я тебе верю. Все у нас будет хорошо. Езжай в свою Москву, только не забывай меня, ладно? Обещаешь?» «Обещаю», – ответил Вадим, вставая с колена.

Два счастливых часа пролетели как пять минут, Лилии нужно было идти, значит, им, влюбленным как два белых лебедя, нужно было надолго расставаться. Да, действительно, понятие «надолго» имело для них обоих совсем другой смысл. Даже отсутствие рядом любимого человека в течение нескольких минут было уже большим испытанием, на преодоление которого нужно направить силу и энергию.

Москва. Новые обязанности. В воздухе пахнет пеплом

Выйдя на перрон Казанского вокзала из скорого поезда «Акмола – Москва», Вадим сразу же почувствовал висящую в воздухе напряженность. В столице было беспокойно. В дороге он выходил на остановках, чтобы приобрести свежие номера газет «Комсомольская правда», «Известия» и «Коммерсантъ». Точки зрения журналистов и экспертов отличались друг от друга только в деталях. Конституционный кризис был налицо.

Противостояние Правительства Российской Федерации и Парламента обострилось. Пользуясь данной ситуацией, внешние неназванные силы продолжали свою работу по расчленению страны на множество маленьких «независимых» республик. 1 июля 1993 года Свердловский облсовет принял решение о провозглашении Уральской республики и начале работы над ее Конституцией. В то же самое время в Токио собирается т. н. «Группа семи» и принимает решение выделить дополнительную «помощь» Российской Федерации в размере 3 миллиардов долларов на продолжение программы приватизации и структурной перестройки, одновременно открыв свое представительство в России для наблюдения за ее ходом.

Только что проведенная денежная реформа в России вызвала шоковое состояние у населения. Как писала газета «Родина»: «С нуля часов 26 июля 1993 г. все бумажные деньги, выпущенные в 1961–1992 гг., «прекращают обращение на всей территории Российской Федерации». Вашим наличным – конец, они больше не деньги, их можно только обменять на «банкноты нового образца». И вам разрешено обменять только 35 тыс. руб. А за это вам поставят в паспорт печать, чтобы вы больше – ни-ни, нигде и никогда не могли обменять сумму больше. Все, что больше 35 тыс. руб., сдадите в Сбербанк, и эти деньги вам зачислят на депозит сроком на 6 месяцев без права на выдачу наличных. На весь обмен (разгар отпусков, жаркое лето) даются на всю страну, на все 148 млн чел., где бы они ни были, только 10 рабочих дней, с 26 июля по 7 августа. Десять!

Ответ – ужас, чувство беспомощности. Как пробиться сквозь очереди в сберкассы? Старые деньги уже нигде не принимают. Люди в отпусках – как им вернуться, на что? Платежные карты? Их в стране практически нет. Это означало только одно – конфискационную денежную реформу». При этом обострилось осеннее противостояние между Правительством и Парламентом Российской Федерации. Белый дом в Москве – место заседания Верховного Совета Российской Федерации – физически заблокирован. Отключены вода и электричество, здание окружено войсками.

А далее, как сводки с фронта: 3 октября – прорыв оцепления Белого дома, осада телекомпании «Останкино», слышится стрельба. Жителям города рекомендовано избегать появления вблизи телецентра из-за работы снайперов. 26 октября принято решение отпустить цены на хлеб, в результате чего цены выросли почти в три раза. 9 ноября Указом Президента Российской Федерации распущен Свердловский облсовет, а все решения по Уральской Республике признаны не имеющими юридической силы. Попытка дальнейшего расчленения России была пресечена.

Все эти события, казалось бы, далекие от непосредственных должностных обязанностей Вадима на новом месте работы, оказывали существенное влияние на продвижение порученного ему проекта организации торгового отдела. Например, цены на арендуемые помещения и площади для торговых целей выросли кратно. Неуверенность в завтрашнем дне порождает желание получить прибыль здесь и сейчас. Хороших площадей не хватало, спрос многократно превышал предложение, отсюда и цены за квадратный метр продолжали ползти вверх. Все это требовало от Вадима полной концентрации внимания и приложения максимальных усилий для достижения целей, потому что его благополучие напрямую зависело от экономического состояния фирмы, где он работал. Отдушиной среди этой беспокойной обстановки была для

Вадима возможность примерно один раз в неделю слышать голос своей любимой Малышни по телефону. Он звонил ей на работу в заранее условленное время, с учетом двухчасовой разницы во времени.

Непредвиденный визит

Лилия сидела в своем кабинете, утопая в мягком свете лампы, под которой бутылочки, коробочки и пузырьки казались хрупкими солдатиками фармацевтического мира. Сквозь стекло окна ложился вечерний свет, отражаясь в ее глазах золотистыми бликами. Телефон был прижат к уху, в голосе – шепот весны.

– Я так скучаю по тебе... Как там Москва?

– Все хорошо. Но без тебя – пусто. Когда мы снова увидимся?

Ее губы изогнулись в едва уловимой улыбке, когда теплый голос мужчины проникал в ее сердце, словно капли дождя в сухую землю. Но этот момент нежности в одночасье был разрушен – дверь распахнулась с такой силой, что стекла в шкафах дрогнули.

На пороге стоял он – ее муж. Его глаза сверкали, как молнии перед бурей.

– С кем ты говоришь?! С любовником?!

Пауза. Она оцепенела, будто на мгновение лишилась тела, но быстро собралась. Нажала на экран, завершив звонок, голос ее был холоден, как металл.

– Это рабочий звонок.

– Рабочий?! Я слышал тебя! Ты даже не пытаешься скрываться! Ты совсем страх потеряла?!

– Ты ведешь себя неадекватно. Я на работе. Не устраивай сцены.

– Думаешь, я слепой? Думаешь, не замечаю, как ты стала меняться? Уходишь в себя, ходишь как летающая. Улыбаешься, когда смотришь в телефон! Кто он, черт возьми?!

Она встала. Спокойно, без дрожи. Глаза – два ледяных шторма.

– Я не обязана перед тобой отчитываться.

Он шагнул вперед и схватил ее за запястье, но тут же отпустил – что-то в ее взгляде обожгло, заставило замереть. Там не было страха – только решимость.

– Ты... ты его любишь?

Молчание. Пронзительное, звенящее, как тетива перед выстрелом. Затем, почти беззвучно:

– Да. Люблю.

В воздухе повисла тяжесть, словно в кабинете стало нечем дышать. Он опустил плечи, отступил, как человек, потерявший опору.

– Значит, это конец?

– Да. Конец.

Он развернулся, хлопнул дверью с такой яростью, что стеллажи дрогнули, и исчез.

Лилия осталась одна. Кабинет вновь наполнился тишиной. На экране телефона светилось имя: Вадим. Она коснулась его, будто прикоснулась к ладони сквозь стекло.

– Все. Теперь пути назад нет.

– Я рядом, Лилия. Я всегда буду рядом.

«Оправдываться не собираюсь!»

Когда она вернулась домой, в прихожей уже ощущалось напряжение. Оно висело в воздухе, как дым от невидимого пламени. Муж шагал по комнате взад-вперед, как зверь в клетке.

– Уже весь город гудит, что ты себя по телефону предлагаешь направо и налево! Ты слышишь, что творишь?! С ума сошла на старости лет? Тебя видели в чужих машинах, с разными мужиками! У тебя дети! Ты думаешь о них?! Немедленно скажи мне, кто он, этот ублюдок, разрушивший нашу семью!

Она сняла пальто, сложила его аккуратно, поставила сумочку. Все в ее движениях было неспешно, точно и сильно.

– А ты не забыл, сколько раз ты меня предавал? Просто ради похоти. Ради развлечений. Унижая меня, топча мои чувства. Ты думал тогда о детях? Ты думал обо мне?

Он открыл рот, но она не дала ему ни секунды:

– Ты приходил домой с запахом чужих духов, с пустыми глазами, с равнодушием, из-за которого хотелось кричать! Ты все время прикрывался тем, что работаешь и приносишь деньги. А я что? Я тоже работаю. Я воспитываю наших детей. Я берегла наш дом. А ты? Ты уже давно предал и меня, и их.

Она выпрямилась, как солдат перед боем.

– Я больше не хочу жить с тобой. Я встретила человека. Я полюбила. И, наконец, я хочу быть счастлива. Я подаю на развод.

Его лицо перекосилось. Вскипевшая злость ударила по венам.

– Да кому ты нужна, старая?! Кому нужны твои дети, кроме меня?! Этот твой любовник наиграется с тобой и бросит! А ты приползешь ко мне. На коленях. Только поздно будет! Поняла, тварь?!

Он занес руку – ладонь дрожала, готовая рухнуть на ее лицо. Но она не дрогнула. Она сделала шаг вперед. Прямо под удар.

Голос был спокойным, как лед, но в нем было столько стали, что можно было разрубить гору:

– Только попробуй. Посажу.

Она смотрела прямо ему в глаза. В ее взгляде не было ни страха, ни боли. Только уверенность. И конец. Настоящий.

Он опустил руку, будто его ударили в грудь. Сразу сжался, осунулся. Развернулся и вышел на балкон, захлопнув за собой дверь, будто надеясь спрятаться от самого себя.

А Лилия осталась стоять в комнате. Впервые – свободной.

На Лилию нахлынули обильным потоком воспоминания детства. Трезвый отец был просто золотым человеком. Работая сначала водителем в прокуратуре, затем часовым мастером, причем очень хорошим мастером, постепенно приобщился к алкоголю. Выпив изрядную дозу спиртного, становился невменяемым. Сказать, что распускал руки, – не сказать ничего. Избивал мать так, что она неделями не могла выйти на улицу, все лицо было синее от побоев и в кровоподтеках. Чтобы защитить детей, пыталась давать деспоту отпор, приводя его в ярость. Лилии же с братьями приходилось убегать из дома, просясь на ночлег к соседям. Подобная история повторялась несколько раз в месяц снова и снова. Отца забирали в милицию, но через несколько часов отпускали. Необъяснимым было бездействие матери, не решавшейся с ним развестись, потому что это все могло и для детей печально закончиться. Достигнув четырнадцатилетнего возраста, Лилия поступила на фармацевтическое отделение Целиноградского железнодорожного училища, приезжая домой только один-два раза в месяц на выходные. В восемнадцать лет вышла замуж, чтобы не остаться «старой девой». Начало замужней жизни напоминало ее годы детства, с той лишь разницей, что муж не распускал руки, хотя, употребив

лишнего, словесно часто обижал, не приходя ночевать, придумывал какие-то небылицы. До Лилии доходила информация о его изменах, однако ей не хотелось в это верить. Она надеялась, что, может, пройдет, как-то рассосется, может, она сама ведет себя неправильно. Все-таки двое детей, ему трудно. Смотрела вокруг и видела, что бывает и хуже. Но почему она должна равняться на худшие примеры? Ее лучшая подруга Анна, с которой они со школы делили все девчачьи радости и горести, была тоже замужем. Муж Миша – большой, красивый, образованный, умный и интеллигентный человек – просто носил Анну на руках. Для Лилии это был пример идеальной семьи. Даже если у них с Вадимом не получится быть всегда вместе, жить по-старому и терпеть она больше не будет. Точка. Ошибку матери она повторять не желает. Если это тоже будет ошибка, то это ее собственный выбор, и винить в этом будет некого. Тем более, кто может нас строже судить, чем мы сами?

Решение принято: еду в Москву

Поздней осенью 1993 года старшая дочь Лилии Людаша, как она ее любя называла, училась уже два месяца в Московском государственном университете на географическом факультете. В редких телефонных разговорах с матерью она с гордостью рассказывала, как ей нравится учеба в университете, какое это замечательное учреждение. Предметом особой гордости Людаши являлся тот факт, что один из курсов читал известный всему Советскому Союзу ведущий телепрограммы «В мире животных» профессор ученый-зоолог Николай Николаевич Дроздов, любовно называемый студентами Ник-ник. В отличие от некоторых других предметов, к нему на лекцию нужно было приходить заранее, чтобы занять место, потому что желающих послушать было так много, что самая большая аудитория университета едва могла вместить в том числе и сидящих на ступеньках, а также стоящих в проходах студентов. Николай Николаевич никому не отказывал и не запрещал присутствовать на лекциях. Невероятный, потрясающий успех среди студентов можно отнести не только на счет его глубочайших знаний, личного опыта, наблюдений, но и просто солнечного, светлого характера и манеры общения с окружающими. В качестве примера можно назвать его жизненный принцип, которым он охотно делился со всеми: «Смейтесь, пойте и танцуйте!»

Собрав по возможности кое-какие продукты, зимнюю одежду, Лилия решила отвезти это все любимой дочери в Москву. Думала ли она в это время о Вадиме? Конечно, думала и очень хотела с ним встретиться. Хотела сама рассказать ему, что с мужем они теперь просто живут в одной квартире, но они совсем чужие люди. В телефонном разговоре с Вадимом она сообщила дату и время прибытия поезда на Казанский вокзал города Москвы, попросила ее встретить.

Вокзал был заполнен шумом объявлений и суетой пассажиров. Вадим стоял у платформы, не ожидая ничего особенного, когда вдруг почувствовал чье-то пристальное внимание. Он повернулся и замер – перед ним стояла Лилия.

Вадим (шепотом, ошеломленно): «Лилия? Это... это ты?»

Лилия (улыбаясь сквозь волнение): «Да, я. Я не смогла больше ждать, не смогла больше быть без тебя». Он не верил своим глазам. Казалось, что сердце замерло на мгновение, а потом забилося с удвоенной силой. В следующую секунду он крепко обнял ее, забыв о прохожих. Вадим: «Ты здесь... Я не верю...» Но как? Почему?

Лилия (шепотом): «Я просто поняла, что не могу без тебя. Мы пытались забыть друг друга, но это невозможно». Вадим (глядя ее по волосам): «Господи, Лилия... Я так мечтал снова тебя увидеть. Но это безумие... ты понимаешь?»

Лилия (взглянув ему в глаза): «Да. Но разве наша любовь – не самое важное?»

Он взял ее чемодан и, не выпуская ее руки, повел к выходу. Они почти не говорили по дороге к нему домой, лишь изредка переглядывались, словно боялись разрушить этот момент. Когда они вошли в его квартиру, Лилия огляделась – здесь все напоминало о нем. Она провела пальцами по деревянному столу, словно проверяя, реально ли все это.

Лилия (тихо): «Здесь так уютно... Я много раз представляла, где ты живешь».

Дверь тихо захлопнулась за их спинами, и вместе с ней остался снаружи весь шум большого города. Внутри квартиры – полумрак и теплый свет от торшера, будто сам вечер решил стать свидетелем их встречи. Она сняла пальто, аккуратно повесила его и медленно прошла по комнате, оглядываясь, будто касаясь взглядом каждого предмета, как старого знакомого.

– Здесь так спокойно... словно другой мир.

– Здесь – да. Но у меня внутри... настоящий ураган. Я будто живу на пороховой бочке с тех пор, как мы снова заговорили.

Он подошел ближе, взял ее за руки, и на мгновение между ними стало так тихо, что слышно было, как трепещет дыхание.

– Мы не можем жить в этом «между». В этом «вроде вместе, но не совсем». Так дальше нельзя.

– Я знаю... Просто... все так сложно. Все сплелось в клубок. Больно дернуть за любую ниточку.

Они сели рядом, плечом к плечу, и в этой близости было что-то родное, как будто они никогда и не расставались.

– Скажи мне одно... Ты хочешь быть со мной?

– Хочу. Всем сердцем. Это единственное, в чем я абсолютно уверена.

– Тогда будь со мной. По-настоящему. Не наполовину. Не украдкой. Готова ли ты оставить все позади? Семью. Привычную жизнь. Все, что держит тебя там?

Она отвернулась к окну. В стекле отразились их лица – две тени, сливающиеся в одну.

– Я уже сделала этот выбор. Внутри себя. Давно. Но мне страшно. Страшно за детей. За то, что я могу им навредить. И за то, что... может, у нас не получится.

Он молча обнял ее, крепко, всем телом, будто хотел укрыть от всех бурь. Она дрожала слегка, как осенний лист под ветром.

– Мне тоже страшно. Но жить без тебя – страшнее. Я не хочу больше просыпаться и думать, как ты там, далеко. С другим. Без меня.

– Что ты предлагаешь?

– Начать все сначала. Где угодно. Здесь. В любом месте, где мы сможем быть вместе.

Она отстранилась на секунду, заглянула в его глаза.

– Я начала оформление документов. Собиралась уехать в Германию. Сначала – просто ради новой жизни. Ради детей. Но теперь... я хочу, чтобы ты был рядом. Не как мысль, не как мечта. А по-настоящему.

Он провел рукой по ее волосам, как будто снова учился ее касаться. Затем поцеловал в лоб – бережно, как хранитель своей самой хрупкой тайны.

– Я мечтаю о доме, где не нужно будет прощаться каждый раз. Где по утрам будет запах кофе и ты рядом. Где нет «потом». Только «сейчас».

– Это не мечта. Это будет. Мы сделаем это реальностью. Шаг за шагом. Вместе.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и город за окнами шептал свое, но они больше не слушали. В этот вечер было только двое. И любовь, выбравшая свободу.

Любовь спасла еще одну жизнь

В пять часов утра следующего дня Вадим был уже на ногах. Стараясь не разбудить свою любимую, которая спала на правом боку в своей красивой ярко-желтой льняной ночной рубашке, подложив руку под щеку, он поправил одеяло. Очень хотелось поцеловать ее, но тогда она проснется. Ему же хотелось, чтобы она выспалась, чтобы эта счастливая улыбка не сходила с ее лица. Полюбовавшись еще несколько секунд, Вадим тихонько вышел, прикрыв за собой дверь. Сегодня ему предстояла командировка в город Волоколамск на закрепленном за ним легковом автомобиле марки ИЖ-2715, как их любовно называли, «каблук» или «пирожок». Примерно 120 километров он рассчитывал преодолеть за 2 часа, учитывая погодные условия. После оттепели снова ударил мороз, покрыв асфальт тонкой корочкой льда. Запланированные 2 часа быстро превратились в четыре с половиной. По обе стороны дороги были видны грузовые и легковые автомобили, водители которых не справились с управлением, им оказывалась помощь. Получив груз в Волоколамске, Вадим отправился в обратный путь. Погода ухудшилась, пошел снег. Печка в салоне работала исправно.

Вадим вел машину уже несколько часов, снегопад превращал дорогу в бесконечный белый тоннель. Ветер швырял снежные хлопья в лобовое стекло, и дворники едва справлялись с их натиском. Печка работала на полную мощность, издавая монотонное гудение, которое постепенно стало убаюкивать его, словно колыбельная.

Он не помнил, как его веки стали тяжелеть, как разум помутнел от усталости.

На секунду – может, две – он потерял контроль.

Мгновение между жизнью и смертью.

Резкий толчок.

Глаза распахнулись, сердце забилося так, будто готово вырваться из груди. Фары выхватили из тьмы передний капот, а дальше... пустота.

Обрыв.

Машина медленно сползала вниз.

Вадим (в панике, резко поворачивая руль): «Черт!»

Колеса крутанулись, но под снегом сцепление было слабым. Машина еще немного сдвинулась, и передние колеса уже зависли над пропастью.

Внутри все сжалось.

Он рефлекторно схватился за руль, прижал педаль тормоза до упора, но авто продолжало предательски крениться вперед.

Тело парализовало от осознания того, что еще секунда – и он полетит вниз, в ледяную бездну.

Мысль пронеслась молнией: «Это конец?»

Вадим не чувствовал рук, ноги казались ватными, в голове застучало от адреналина. Он заставил себя дышать, медленно и глубоко, как учил себя в критических ситуациях.

Нельзя паниковать.

Секунды тянулись мучительно долго. Включив заднюю передачу, он рискнул слегка нажать на газ, чувствуя, как задние колеса все еще цепляются за дорогу.

Рывок.

Машина дернулась назад – на долю секунды он почувствовал надежду. Он уже не замечал, что говорит вслух, громко и четко.

– Не паниковать! Ручной тормоз! Сцепление! Малый газ!

Мотор набирал обороты, он почувствовал, что задняя передача включена, задние колеса напряглись:

– Отпускай ручник!

Стараясь не давить на педаль газа слишком сильно, Вадим ловил момент, когда задние колеса начнут вращение, пытаясь не допустить их проворачивания в снегу. В какой-то момент он все-таки дал слишком много оборотов двигателю, колеса проворачивались, скользя по снегу, корпус машины понемногу разворачивался в сторону.

– Нет! Сбрось газ! Ручник!

Машина замерла на месте.

– Попробуй выйти!

Он отстегнул ремень безопасности, попытался открыть дверь, перенесся на секунду вес тела к середине кабины. Но передние колеса соскользнули еще дальше, и корпус начал медленно заваливаться вперед-вправо. Быстро переместившись обратно к левой двери, он восстановил равновесие.

– Спокойно, Николаич, выход один: заводи мотор и пробуй еще раз!

Зажигание. Мотор. Ручник на себя. Малый газ. Мотор, обороты. Ручник от себя. Руль прямо.

– Пошла, пошла, пошла, еще немного... Есть! Молодец!

Корпус машины медленно выполз на обочину дороги и остановился. Вадим вышел на свежий воздух, повернулся спиной к дверце и медленно сполз вниз, усевшись прямо на снег. Он дышал. Он был жив. В висках стучало. Руки дрожали. Он осторожно попробовал пошевелиться. Тело отзывалось. Он выжил.

Если бы он заснул на секунду дольше...

Вадим (хрипло, потрясенно): «Черт возьми... Малышня... если бы я не вырулил... мы бы никогда больше не увиделись».

Мысль об этом пронзила его до глубины души. Он закрыл глаза, тяжело выдохнул и сжал кулаки.

Нет. Он выберется. Он не сдастся. «Я должен добраться до нее».

Внешний осмотр транспортного средства не показал каких-либо видимых существенных повреждений. Через тридцать минут, взяв себя в руки, Вадим продолжил путь по Волоколамскому шоссе в сторону Москвы. О случившемся он решил Малышне не рассказывать, незачем ей лишний раз волноваться.

Вадим сдержал свое слово. Он добрался до нее, своей любимой Малышни, которая ждет его сегодня вечером в его квартире в Москве. Одна мысль об этом была ему настолько приятна, что он почти забыл о происшествии, которое могло стоить ему здоровья, если не жизни. Открыв дверь в квартиру своим ключом, Вадим вошел в прихожую, хотел сообщить, что он дома, но этого делать было не нужно. Лилия ждала его. Она вышла в прихожую, улыбаясь, одетая в спортивный костюм цвета морской волны:

– Здравствуй, мой любимый, мой хороший!

Вадим раскинул руки в стороны, обнял и прижал к себе свою Малышню, закрыл глаза, чтобы подавить то чувство, которое посетило его там, на дороге: «Лилия... если бы я не вырулил...»

– Здравствуй, родная моя! Я пришел к тебе. Я добрался до тебя. – Весь смысл именно этих слов был понятен только ему одному. И чтобы совсем сменить тему и отвлечься от грустных мыслей, добавил: – Чем же это так вкусно пахнет?

– Сегодня у нас на ужин котлетки по-степаногорски с картофельным пюре и салат из огурцов и помидоров со сметаной. Ты любишь салат?

– Конечно, люблю, я все люблю. Салат, котлетки, но больше всего люблю тебя, золотая моя.

Лилия улыбнулась:

– Мой руки, и ужинать.

Вадим сидел напротив Лилии за небольшим кухонным столом. Котлетки, картошечка и салат были вкусны, ароматны, аппетитны и умяты им в мгновение ока. Теплый свет лампы мягко освещал ее лицо, в глазах читались нежность и легкое беспокойство. Она наливала чай, и аромат мяты заполнил пространство.

Лилия (улыбаясь): «Я до сих пор не верю, что ты здесь. Так неожиданно... но так правильно».

Вадим с трудом сдержал дрожь в пальцах. Его тело все еще помнило холод металла, свист ветра. Он осторожно сжал чашку, чтобы сосредоточиться на тепле, а не на воспоминаниях.

Вадим (улыбаясь, стараясь говорить спокойно): «Я не мог иначе. Мне нужно было увидеть тебя».

Она внимательно посмотрела на него.

Лилия: «Ты выглядишь уставшим. Дорога далась тяжело?»

Вадим почувствовал, как в груди сжалось. Как рассказать ей? Как признаться, что он едва не погиб? Что он всего на несколько сантиметров был от края обрыва?

Нет.

Она не должна знать.

Вадим (спокойно, пожав плечами): «Немного. Дорога была снежная, пришлось быть осторожным».

Лилия нахмурилась, подперев подбородок ладонью: «Ты что-то скрываешь».

Он сжал губы, продолжая мешать ложечкой чай, лишь бы не встречаться с ней взглядом.

Лилия (внимательно): «Вадим... Что-то случилось?»

Вадим (выдохнув, улыбаясь): «Да нет, просто немного устал. Все хорошо. Главное – я с тобой».

Она не сводила с него глаз, словно пыталась заглянуть в самую душу.

Лилия (мягко): «Ты всегда был упрямым. Но если что-то случилось – скажи мне».

Вадим снова улыбнулся, на этот раз искренне. Он тянулся к ее руке, чувствуя, как тепло ее пальцев растворяет оставшийся страх.

Вадим (тихо): «Просто дорога была долгой. Но я здесь, и сейчас все хорошо».

Лилия посмотрела на него с легкой тревогой, но не стала настаивать.

Лилия (улыбаясь): «Ладно, упрямец. Главное, что ты рядом».

Она взяла его ладонь в свою, и он почувствовал, как его сердце, наконец, успокоилось. Все, что имело значение сейчас, – этот момент, их теплый дом, ее глаза, наполненные любовью.

Он выжил ради этого. Ради нее.

Чай с ароматной мятой, вкусный домашний ужин, любимая женщина рядом, перенесенный стресс на дороге действовали на Вадима расслабляюще. Лилия заметила, что глаза его становились все уже и уже, ему хотелось спать.

Вадим зевнул, провел рукой по лицу и встал из-за стола.

Вадим (устало): «Лилия, я, наверное, лягу. Дорога вымотала...»

Лилия (ласково, улыбаясь): «Конечно, ложись. Я тут посуду уберу и тоже скоро приду».

Он кивнул, потянулся, ощущая приятную тяжесть усталости, и направился в спальню. Комната была небольшой, но уютной. Вадим быстро переоделся в футболку и спортивные штаны, опустился на кровать и мгновенно почувствовал, как тепло одеяла окутывает его. Глаза начали слипаться, и он уже почти провалился в сон, когда услышал легкий звук – дверь осторожно приоткрылась.

На пороге стояла Лилия.

Она выключила свет в коридоре и, бесшумно ступая босыми ногами по полу, подошла ближе. На ней была простая ночная рубашка, ее силуэт мягко вырисовывался в полумраке.

Лилия (тихо): «Ты уже спишь?»

Вадим приоткрыл глаза и улыбнулся.

Вадим (сонно): «Почти... Но если это сон, то пусть он длится вечно».

Лилия мягко засмеялась и скользнула под одеяло. Ее кожа была чуть прохладной после кухни, но уже через секунду она прижалась к нему, согреваясь.

Лилия (шепотом): «Так лучше?»

Вадим обнял ее, притянул ближе, вдохнул родной аромат ее волос.

Вадим (тихо): «Так – идеально».

Они лежали в тишине, слушая дыхание друг друга. Лилия провела рукой по его плечу, словно пытаясь запомнить каждую линию, каждую черту.

Лилия (шепотом): «Мне страшно».

Вадим (поглаживая ее волосы): «Почему?»

Лилия: «Потому что я не знаю, что будет дальше. Я не хочу снова терять тебя».

Он притянул ее крепче, почувствовав, как в груди что-то болезненно сжалось.

Вадим: «Мы найдем выход. Я не отпущу тебя, Малышня. Никогда».

Она ничего не ответила, только сильнее прижалась к нему, зарылась носом в его шею.

Лилия (едва слышно): «Я люблю тебя...»

Вадим провел пальцами по ее спине, наслаждаясь теплотой этого момента.

Вадим (шепотом): «Я тоже».

Ночь окутала их своим темным покрывалом, убаюкивая тишиной. Завтра снова будет день, снова будут сомнения, вопросы, решения... Но сейчас существовали только они. Только их дыхание, их прикосновения, их любовь.

Поездка к дочери

Вадим открыл глаза, когда почувствовал теплое прикосновение. Лилия склонилась над ним, ее волосы мягко касались его лица.

Лилия (тихо, с улыбкой): «Доброе утро, соня. Просыпайся, уже девять часов!»

Вадим протянул руку, погладил ее по щеке и, зевнув, с трудом выдавил из себя:

Вадим (сонно): «Доброе... Уже утро?»

Лилия кивнула и, взяв его ладонь в свои теплые руки, слегка сжала.

Лилия: «Сегодня суббота. Выходной».

Вадим (закрыв глаза, потянувшись): «Это хороший повод оставаться в постели подольше...»

Лилия засмеялась и, игриво толкнув его в бок, встала с кровати.

Лилия: «А еще – хороший повод помочь мне».

Вадим приоткрыл один глаз.

Вадим: «Так, мне это уже нравится».

Она подошла к шкафу, достала аккуратно сложенный пакет и положила его на стул.

Лилия: «Мне нужно отвезти кое-что Людаше в университет. Я привезла ей продукты, вещи, теплые носки... Всякое. Отвезешь меня?»

Вадим резко сел и хмыкнул.

Вадим: «А я думал, ты предложишь завтрак в постель».

Лилия (со смехом): «Завтрак будет, но сначала – дело».

Он вздохнул, но в его глазах мелькнула нежность.

Вадим: «Ладно, сдаюсь. Но после этого ты обязана провести со мной весь день».

Лилия (лукаво): «Посмотрим, как себя поведешь».

Она подошла к нему, легонько чмокнула в нос и направилась на кухню. Вадим усмехнулся, поднялся с постели и, потягиваясь, почувствовал, как наполняется тихим счастьем.

Эта суббота только начиналась, но он уже знал, что будет самой теплой за долгое время.

Через два часа они были уже возле общежития географического факультета на улице Шверника, дом 19, корпус 1. Современное шестнадцатиэтажное здание выглядело впечатляюще. «Теперь я знаю, где живет моя доча, – сказала Лилия. – Снаружи выглядит красиво, чистенько и аккуратно». Вадим помог Лилии донести чемодан и пакеты до лифта в общежитии. Договорившись, что он заберет ее в шестнадцать часов, занес вещи в лифт и, чмокнув в щеку, попрощался.

Лилия стояла перед дверью комнаты общежития, где жила ее дочь. Она несколько раз глубоко вдохнула, прежде чем постучать. Дверь открылась почти сразу – перед ней стояла Людаша, одетая в уютный свитер, с чашкой чая в руках.

Людаша (удивленно): «Мама? Ты в Москве? Почему ты мне не сказала, что приедешь?»

Она обняла Лилию, впуская ее в комнату. Внутри было тепло, на столе горела настольная лампа, разбросаны учебники, а в углу стоял плюшевый медведь – подарок из детства.

Лилия (неуверенно улыбаясь): «Я приехала неожиданно. Дочка, нам нужно поговорить».

Людаша нахмурилась, поставила чашку на стол.

Людаша: «Ты меня пугаешь, мама. Все в порядке?»

Лилия села на кровать, сложив руки на коленях. Ее сердце стучало быстрее обычного.

Лилия: «Людаша, я хочу тебе кое-что сказать. Это важно».

Дочь молча присела напротив, ее карие глаза внимательно изучали мать.

Лилия (взволнованно): «Ты знаешь, что последние месяцы мне было нелегко...»

Людаша (кивая): «Да, ты часто казалась грустной. Я думала, что это из-за работы или планов с переездом...»

Лилия опустила взгляд, потом снова посмотрела на дочь.

Лилия: «Это связано не только с этим. Дело в том, что я люблю другого человека».

Повисла тишина. Людаша не сразу поняла смысл сказанного.

Людаша (моргая): «Что?..»

Лилия: «Я люблю Вадима. Мы пытались забыть друг друга, но не смогли».

Людаша резко встала, сцепив руки в замок.

Людаша (встревоженно): «Ты хочешь сказать, что... у тебя роман?»

Лилия (тихо): «Да».

Дочь нервно провела рукой по волосам, затем сделала несколько шагов по комнате.

Людаша: «Мам, ты понимаешь, что говоришь? Ты же замужем. У нас семья. А папа?..»

Лилия (с грустью): «Я знаю, как это звучит. Я долго боролась с собой, пыталась уйти от этих чувств. Но я не могу».

Людаша остановилась и посмотрела прямо в глаза матери. В ее взгляде было все – растерянность, злость, боль.

Людаша: «И что теперь? Ты собираешься разрушить семью?»

Лилия закрыла глаза, тяжело вздохнула.

Лилия: «Людаша, пойми... иногда в жизни встречаешь человека, без которого просто не можешь дышать. Вадим – именно такой для меня».

Людаша сжала губы, пытаясь сдержать слезы.

Людаша (с вызовом): «А как же я? Как же брат? Разве это справедливо?»

Лилия (тихо): «Я люблю вас больше всего на свете. И я хочу, чтобы ты меня поняла».

Людаша отвернулась, глядя в окно. Несколько минут в комнате было слышно только тиканье настенных часов.

Людаша (глухо): «Я не знаю, мама. Это слишком... Я просто не ожидала».

Лилия встала, подошла к дочери и мягко обняла ее.

Лилия: «Я не прошу тебя сразу принять это. Мне важно, чтобы ты знала правду».

Людаша не ответила, но после долгой паузы слабо кивнула.

Людаша (тихо): «Мне нужно время».

Лилия: «Я понимаю, милая».

Они стояли у окна, две женщины – мать и дочь, каждая со своими чувствами, страхами и надеждами. Людаша долго молчала, глядя в окно. Вечерняя Москва мерцала огнями, но мысли девушки были далеко. Лилия сидела рядом, не торопила.

Наконец Людаша глубоко вздохнула и повернулась к матери.

Людаша (тихо): «Мама... Я все обдумала. И знаешь... я не имею права осуждать тебя за то, что ты любишь».

Лилия с удивлением посмотрела на дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.